Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Волки Карачуна

948 ГОД

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Волки Карачуна

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Волки Карачуна / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2015 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-699-85435-6

Уже полновластно правят в Киеве Игорь и Ольга. Они стремятся расширить свои земли и завоевать господство на выгодных торговых дорогах. Потому-то и мешает им обособленная Смолянская земля, лежащая как раз на доходном серебряном пути. И тогда в голове умной киевской княгини возникает мысль сделать ставку на юную дочь князя. Вот и оказывается судьба Ведомы разменной монетой в политической борьбе, но тут в дело вмешивается любовь…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85435-6

© Дворецкая Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая 5
Часть вторая 62
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Елизавета Дворецкая
Княгиня Ольга. Волки Карачуна

Часть первая

Ладога, 1-й год по смерти Хакона Богатого Родней

Как и многие судьбоносные события, это началось со столба дыма над Дивинцом. Дозорные давали знать, что с моря идет обоз. Этой вести Ингвар сын Хакона ждал давно и с нетерпением. Обычно он принимал гостей у себя в гриде, в крепости, но этот случай был особенным. Поэтому вскоре Ингвар, одетый в новый синий кафтан с синей же шелковой отделкой, уже стоял на причале возле устья Ладожки и вглядывался в близкую оконечность мыса, за которой расстилался Волхов. Вот-вот оттуда покажутся первые корабли, которые он уже видел со стены. На одном из них едет его судьба. Еще немного – и он увидит свою будущую жену и новую хозяйку вика Альдейгья.

Один раз они уже встречались. Семь лет назад Ингвар, тогда тринадцатилетний отрок, ездил с отцом за Варяжское море, в Уппсалу. Последние девять лет державой свеев правил глубокий старик Олав конунг, с которым ладожский воевода Хакон состоял в отдаленном родстве – таком дальнем, что его можно было подкрепить заново. Старшей из незамужних внучек дряхлого Олава в то время была Фрейлауг, девочка восьми лет. Когда Хакон намекнул хозяину, что был бы рад найти в его семье жену для сына, тот расхохотался, глядя на рослого нескладного подростка:

– Ну, куда ему жениться, он ведь… слишком стар для нашей Фрей!

– Пока невеста подрастет, я, глядишь, и помолодею! – не растерялся жених.

– Ну, а пока не помолодеешь, я буду звать тебя Альдин-Ингвар – Ингвар Старый! – проскрипел Олав конунг. – Приезжай опять лет через семь-восемь, я погляжу: если будешь уже достаточно молод, может, и выдам за тебя мою внучку.

Так за Ингваром сын Хакона и закрепилось прозвище Старый. Под ним его знали по всему Восточному пути, от Свеаланда до Греческого царства, что позволяло не путать его с другим Ингваром, киевским князем. Прошлым летом он уже мог бы воспользоваться приглашением Олава, но как раз в это время умер его отец. Альдин-Ингвар был провозглашен в Ладоге «великим боярином», и в этом качестве у него нашлось множество дел. Ему предстояло подтвердить свою власть над областями, откуда ладожане брали дань, подкрепить прежние договора со всеми князьями и конунгами, чьи владения простирались к югу от Ладоги: до Константинополя за Греческим морем и до Страны Рубашек за морем Хазарским.

К родству с конунгами свеев Ингвар стремился не только ради чести, но и для выгоды: в Северные Страны из Руси везли множество товаров от самого Царьграда, за сарацинское серебро множество вождей с Восточного Пути нанимали норманнские дружины. Этот путь Ингвар проделывал и сам: еще отроком он участвовал в походе своего дяди и тезки, Ингвара киевского, в его втором походе на Царьград, закончившийся в Болгарии, а потом побывал и в Царьграде, вместе с посольством от всех русских земель. В свои двадцать лет он был уважаем среди варяжских вождей не менее тех, кто старше.

Вот только ездить за невестой самому ему теперь было и некогда, и не по званью. Поэтому еще летом, когда уходили последние корабли, он отправил в Уппсалу своего старого воспитателя, Тормода Гнездо, во главе целого посольства: рассказать Олаву новости и предложить отпустить внучку к будущему мужу.

Миновала зима, ушел в Нево-озеро последний лед с Волхова, берега покрылись зеленью, и даже старый Ингваров курган – словене называли его Дивинец – выглядел помолодевшим. Каждый раз, выйдя за чем-нибудь из дома, Альдин-Ингвар поглядывал в ту сторону: не видно ли дыма над вершиной? В свободное время он выходил на стену крепости и смотрел на север – туда, где высокие курганы на ближнем берегу сторожили последний отрезок реки перед поселением. Улыбался, представляя, как будет показывать молодой жене ее новые владения.

Узнает ли она его? Со дня обручения Альдин-Ингвар заметно «помолодел». Прежнего подростка сменил мужчина значительно выше среднего роста, плотного сложения, с высоким, хотя довольно узким лбом, из-за чего щеки казались округлыми. При светлых волосах брови у него были черные и бородка гораздо темнее волос. Довольно правильные, не считая чуть вздернутого носа, черты лица производили приятное впечатление. Держался он приветливо, как человек спокойный, уверенный и дружелюбный, и был равно вежлив со всеми: как с придворными царьградского василевса, так и с ладожскими рыбаками.

Однако в тот день, когда посланцы вернулись, молодому боярину потребовалось все его мужество. Вот корабли миновали короткий отрезок Ладожки между устьем и причалом. Альдин-Ингвар обшарил взглядом корабль Тормода, потом два следующих, но не нашел ни одной женской фигуры. А ведь с невестой должен прибыть десяток служанок, ее должны сопровождать люди отца…

– Прости, вместо невесты я привез тебе плохие новости! – поздоровавшись, развел руками Тормод Гнездо. – В этом деле нам не было удачи – эту девушку призвала на службу богиня Гевьюн.

– Ты хочешь сказать… – Альдин-Ингвар нахмурился.

– У них в Бьёрко зимой ходила горячка, многие люди болели. Умер сам старый Олав и несколько его родичей. И наша девушка тоже.

Альдин-Ингвар помолчал, пытаясь осмыслить эту новость. Ощущение было такое, будто он раскатился на санях с горы и со всего размаху врезался в невидимую стену. Все его ожидания и мечты враз стали ненужными. Развеялись, как дым. Не стало будущего, которого он ожидал целых восемь лет, и показалось, что и сами эти восемь лет были сном. Обещанная ему награда и судьба, к которой он стремил все помыслы, просто… исчезла. Ее больше нет, и некого винить, кроме Судениц.

– А из наших людей… – С трудом собираясь с мыслями, Ингвар все же вспомнил, какой вопрос нужно задать.

– Нам пришлось похоронить там Глядоту, Большу и Фастульва. Ну да ничего! Там уже много наших. – По многолетней привычке Тормод называл «нашими» словенских купцов, иным из которых случалось умирать в поездках за Варяжское море. – Нам дали для них хорошее местечко. Там же где, помнишь, Гороша Изрядович…

Альдин-Ингвар бездумно кивнул. Сердце заливала боль потери – как холодная вода. Он совсем не знал ее, Фрейлауг, дочь Энунда, внучку Олава, но хорошо знал тот образ, который вырастил за эти восемь лет в своем сердце. И теперь ощущал такую же боль, как если бы потерял и впрямь близкого человека.

– Я привез тебе другого хорошего гостя, – Тормод сделал знак кому-то на корабле.

По сходням к ним приблизился мужчина средних лет, темноволосый, с прямым носом, вытянутым вперед, будто клюв. По виду незнакомец был человеком как решительным, так и учтивым. Синий кафтан с серебряной тесьмой на груди, зеленый плащ, отделанный широкой полосой цветного узорного шелка, золоченая застежка, настоящий рейнский меч на перевязи – весь его облик говорил о знатном происхождении и богатстве.

– Это Биргир ярл, сын Эйлива, доверенный человек нового конунга, Бьёрна сына Олава.

Гость поклонился:

– Понимаю, Ингвар, что не могу заменить тебе того, кого ты ждал. Но все же надеюсь, наши встречи пройдут не без пользы.

– Уверен, что ты прав, – пробормотал Альдин-Ингвар, однако потом сделал усилие и взял себя в руки. – Рад приветствовать здесь посланца Бьёрна конунга. Сколько с тобой людей? В чем имеете нужду?

Через день ладожские старейшины – словене, русины, чудины, – были званы на пир в честь возвращения посольства. Уже все знали, что свадьбы не будет, и голоса звучали приглушенно.

Выяснилось, что среди потомства старого Олава за эти годы родились еще две дочери, но старшей из них сейчас было всего пять лет.

– Конунг поручил мне передать, что если ты пожелаешь, он отдаст тебе любую из этих юных дев, – рассказывал Биргир ярл. – Но и не будет в обиде, если ты сочтешь еще одно десятилетнее ожидание чрезмерным.

– Без княгини нам нельзя еще десять лет, – заговорили старейшины.

Два поколения назад ладожская ветвь потомков Харальда Боезуба утратила звание конунгов и с тех пор считалась подчиненной владыкам Хольмгарда. Однако между собой ладожане до сих пор называли своих «великих бояр» князьями – и по привычке, и ради самоуважения.

– И также конунги передали тебе некий совет, если будет у тебя желание его выслушать, – продолжал Биргир.

Он говорил на северном языке, но в Ладоге его кое-как понимали не только мальчишки, но и собаки на пристани, а уж старейшины свободно общались на нем, как на родном. Многие и сами вели род от варяжских гостей, за последние два века часто оседавших здесь и женившихся на словенках или чудинках.

– С удовольствием выслушаю, – учтиво кивнул Альдин-Ингвар.

– У тебя есть возможность подыскать невесту не менее знатную и тоже в родстве с нашими конунгами, причем не так далеко. Тебе известно, что родич Олава, Сверкер конунг, правит южнее твоих земель, на реке Днепр, в городе под названием Сюрнес[1]. У него, как говорят, несколько жен и есть дочери.

– Я знаю Сверкера конунга, хотя не видел его дочерей, – подтвердил Альдин-Ингвар. – Он не показывал их мне, а я не спрашивал, поскольку у меня же есть… была невеста. Но теперь, пожалуй, этот совет придется ко времени.

– Так ты все же сможешь породниться с нашими конунгами, а заодно и со Сверкером, – добавил довольный Биргир. – Я поеду отсюда к нему, и если ты пожелаешь, переговорю с ним об этом деле.

– Еще будет время об этом подумать. У тебя ведь есть и другие поручения к Сверкеру конунгу, надо полагать?

На это Биргир ответил лишь многозначительным взглядом и улыбкой: дескать, позже.

Все привезенные своями товары сложили в клети при гостином дворе, и лишь два тюка, по виду тяжелых, взяли в дом. Тюки были обернуты в промасленную кожу и крепко перевязаны. Через день после пира Биргер пригласил Альдин-Ингвара к себе и упомянул, что привез франкские мечи: не хочет ли ярл взглянуть? Разумеется, ярл хотел – как женщина не откажется взглянуть на сирийские бусы или греческие шелка, даже если не собирается ничего покупать. Тюк развязали, и на свет явились десяток клинков длиной почти в пару локтей: с коротким череном вместо рукояти, пока без гарды и ножен.

---

[1] Сюрнес («свиной мыс») – предположительное скандинавское название Гнездовского городища, предшественника Смоленска. Расположен при впадении в Днепр ручья Свинка (иначе Свинец), поэтому его древнеславянское название могло звучать как Свинческ. (*Прим. авт.*)

– Это заказ Сверкера конунга. Он пожелал приобрести мечи для своей дружины, и у него есть хорошие мастера, чтобы сделать полный набор[2]. В уплату он посылал собольи меха, что возят с Волжского пути.

Альдин-Ингвар понимающе кивнул: какие-либо другие товары, кроме соболей, равные этому тюку по стоимости, потянули бы на целый обоз. А тех соболей он помнил, поскольку получал десятую часть при перегрузке – как и любой владелец отрезка торгового пути. Теперь из этих двадцати клинков два причитались ему, и это был такой подарок судьбы, что даже тоска потери отступила.

Прихватив через льняной рушник, он взял клинок и повернулся к оконцу. Клинки еще не были заточены, но понимающие люди знают, что прикосновение пальцев вредит хорошей стали. Ниже будущей рукояти четко виднелись буквы, составлявшие надпись «Ulfberht», со знаками креста в начале и в конце.

– Похоже, что настоящие? – Альдин-Ингвар улыбнулся Биргиру.

– Надеюсь, что так. Хотя ты прав: в последнее время развелось много подделок.

– У нас тут Свеньша с Рановидом такой же скуют: сам Ульфберт не отличит.

– Мастер Ульфберт давно умер. Наверное, теперь кует мечи для дружины Одина… хотя нет, он же был христианином. У нас есть верный человек, который может достать такие вещи. Ты знаешь, наверное, что короли франков запрещают продавать их язычникам?

– А ваш верный человек, как я догадываюсь, христианин?

Биргир снова улыбнулся:

– В торговых делах Кристус полезен. Поэтому непобедим тот конунг, у которого торговые люди – христиане, а дружина почитает Одина. Такой не пропадет и в мирное время, и в военное.

– А я где-то слышал, что Кристус прогонял торговцев подальше от храмов. Выходит, с тех пор он переменил свое мнение и стал покровителем торговли?

Они посмеялись. Потом Биргир пристально взглянул на Альдин-Ингвара:

– Так могу я надеяться, что повезу в Сюрнес и твое поручение? Ну, что мы говорили насчет сватовства? Видишь ли, я хочу вернуться домой еще этим летом, поэтому не могу медлить…

Альдин-Ингвар ответил не сразу. Он молчал, но думал об этом все те дни, что Биргир провел в Ладоге. Не раз ему хотелось спросить у гостя, знает ли тот что-нибудь о дочерях Сверкера – взрослые ли они, от каких матерей, что о них говорят? – но останавливал себя. Это будет пустое любопытство: ведь Биргир, впервые приехавший на Восточный путь, едва ли может знать о делах смолян больше, чем сам Альдин-Ингвар.

Область смолян – малого племени в составе союза кривичей – была известна северным людям уже лет сто, а то и больше. Предки Сверкера когда-то пришли туда с дружиной и заняли место воевод. Во всех крупных торжищах, тяготеющих к берегам Варяжского моря, сидел воевода с дружиной, связанный договором с местными жителями. Он охранял торговые пути от разбоя, не допускал никакого кровопролития и свар на торгу. В Свинческе, как в Бьёрко, Хейтабе, Дорестаде, Рёрике, Рибе и других местах, имелись «воинские палаты» – длинный дом, где жил вождь и при нем человек сорок-пятьдесят хирдманов.

Но воевода Олав, а потом и сын его Сверкер располагали чем-то большим, нежели просто дружина в сорок копий. Они обладали прочными связями с Бьёрко, а через него и с Хейтабой в Ютландии. При их посредничестве старейшины смолян, в том числе и сам князь Ведомил, легко находили надежных покупателей на свои меха, мед, воск, льняную пряжу и тканину. А также и продавцов приятных вещей, на которые можно было все это обменять: разных жен-

[2] Набор – гарда, рукоять. Они часто делались для привозных клинков местными мастерами, знавшими вкусы заказчика. (*Прим. авт.*)

ских уборов, фризской шерсти и греческого шелка ярких цветов, узорной посуды. Под руководством Олава в устье Свинца была выстроена удобная гавань.

Воевода возглавлял пришлых торговцев, а князь – местные общины. Они были связаны взаимной пользой, но каждый стремился подчинить другого. Воевода Олав был силен и уважаем, но сын его Сверкер понимал, что после смерти отца ему придется трудно. И предпринял ловкий ход: посватался к старшей дочери князя Ведомила и хоть не сразу, но заполучил ее в жены.

Однако и это не помогло сохранить мир: еще через несколько лет соперничество перешло в открытую схватку. Одолел Сверкер. Князь Ведомил и род его сгинули, а Сверкер стал и воеводой, и князем одновременно. Он сам собирал дань с племени смолян, сам продавал ее купцам-свеям, сам же взимал со сделок десятую долю. Малые племена кривичей – угряне, дешняне, порошане, березничи и другие, что подчинялись смолянским князьям, его власти не признали, и их ему пришлось приводить в покорность силой. Этим он был занят и по се поры. Тем не менее, его положение на важнейшем перекрестке Пути Серебра делало родство с ним весьма желательным.

Купцы болтали, что Сверкер брал по девке чуть ли не от каждого из знатных смолянских родов, так что недостатка в женах и детях уж наверное теперь не испытывает. Но дети от пленниц Альдин-Ингвара не занимали. Пусть его род утратил королевское звание, но не утратил кровь, которая связывала его с древними конунгами Севера и самими богами. А значит, он мог выбирать супругу лишь лишь среди равных себе. В жены Альдин-Ингвару годилась лишь дочь Сверкера от брака со смолянской княжной, заключенного еще до войны, – если таковые дочери у того имелись. Но, сколько Альдин-Ингвар ни пытался, разговоров о дочерях Сверкера припомнить не мог.

Зато всплывали в памяти смутные слухи о его матери – будто бы она такая сильная колдунья, что предвидит будущее, даже знает срок собственной смерти… Врут, наверное. Раньше Альдин-Ингвар лишь посмеивался, слушая такое. Но теперь, если он надумает породниться со Сверкером, в семейных делах того стоит разобраться как следует.

Маловероятно, чтобы даже при наилучшем исходе переговоров ему отдали невесту прямо сразу. Не обязательно даже, что ему покажут девушек и позволят самому выбрать. Если они договорятся, Сверкер, скорее всего, лишь пообещает осенью прислать в Ладогу дочь с приданым. Наиважнейшее дело сейчас – найти общий язык с самим Сверкером. И это Альдин-Ингвар не мог передоверить никому.

– Пожалуй, мы сделаем вот что, – наконец ответил он Биргиру. – Я поеду в Сюрнес вместе с тобой. Мы обсудим со Сверкером наше дело, а ты сможешь сразу, как вернешься домой, рассказать конунгам, чем закончились переговоры.

* * *

Смолянская земля, 12-й год по гибели Велеборовичей

Были те самые дни, когда зеленая дымка на ветвях густеет день ото дня – на глазах. Казалось, вчера еще сквозь кроны было видно прохладное весеннее небо, а сегодня уже взор упирается в нежно-зеленую сень, и понимаешь, что вот-вот она сомкнется в сплошной полог, накроет тебя, окутает со всех сторон, на пять месяцев погрузит в кипящее, шепчущее море листвы.

День был ясный, солнечный, утренняя влага успела высохнуть. Ведома бродила по склонам оврагов, цепляя взглядом желтые брызги мать-и-мачехи среди бурой листвы, но смотрела больше в небо. Учат, что при сборе трав нужно повторять заговор к матери-земле, но она нико-

гда не делала этого. Она вообще ни о чем не думала. Выходя в лес, Ведома лишь вздыхала поглубже – и человечий мир выходил из груди вместе с долгим выдохом. Сознание растворялось среди стволов и ветвей, и она плыла, рассеянным взглядом будто выискивая потерянное, но на самом деле ничуть о нем не беспокоясь. Она не думала, куда идти – лесная земля сама раскатывала под ногами невидимую дорожку. Не выбирала, какие цветки или ветки взять – они будто махали ей: «Нас, нас! Мы годны, мы поможем!» Она двигалась медленно, будто лист, подхваченный неторопливым речным потоком. То петляла по склонам оврагов, то шла прямо, но старалась не выходить на открытые места. Порой наклонялась сорвать два-три цветка, в лад с клонящимися на ветерке ветвями.

Впереди показался просвет, и она хотела свернуть, но взгляд привлекло некое движение, необычное среди колыханья ветвей. Там шевелилось что-то большое и темное. Покачивалось на месте… немного передвигалось в сторону и снова покачивалось… Лад движений непонятного темного пятна увлекал за собой. Выпустив ручку корзины, Ведома пошла вперед.

Меж деревьями стало видно, что темное пятно на поляне не одно. Их было три… нет, четыре… Три медведя – молодых, судя по не очень высокому росту, – спиной к ней стояли на задних лапах, покачивались, притоптывали, немного извиваясь, как они делают, когда чешут спину о стволы.

Завороженная этим зрелищем, Ведома сделала еще пару шагов и припала к толстой березе, чтобы меньше бросаться в глаза. Ее белая шерстяная шушка, отделанная узкой черной тесьмой, почти слилась с березовым стволом.

Медведи, к счастью, смотрели в другую сторону – на того, кто стоял перед ним, на противоположном краю поляны. На первый взгляд это тоже был зверь, но Ведома видела, что это человек в медвежьей шкуре и с личиной. Судя по движениям, женщина, притом не слишком молодая. Переваливаясь с ноги на ногу, она исполняла медвежью пляску, а четыре зверя повторяли за ней. Не было гудьбы рожков и сопелок, которыми подобные действа сопровождаются на зимних и весенних игрищах, все совершалось в лесной насыщенной тишине, лишь под птичий щебет и посвист ветра.

Ведома уже видала многое и к разному привыкла, но теперь смотрела, затаив дыхание. Весна в этом году запоздала: снег давно стаял, но тепло все не приходило, деревья медлили распуститься, а травы – прорасти. Матери-земле надоело ждать. И вот сама бурая земля поднялась, выползла из берлоги, встала на ноги и приказала своим детям плясать, подталкивая ход годового колеса.

И чем дальше Ведома смотрела, тем лучше понимала, кто перед ней. Этой матерью медведей могла быть только одна женщина. Ведьма-рагана[3] – так ее звали в этих местах, где славяне-кривичи жили в тесном соседстве с голядью. Другого имени у нее не было, а если и было, то его никому не полагалось знать.

Девушка застыла, вцепившись в ствол березы. Перехватило дух, разом обняло дрожью. Ведьма-рагана была особенной – не то что бабы-ведуньи и волхвиты, живущие каждая в своем роду и только на велики-дни приходящие во главе родичей в святилище. Она обитала здесь с незапамятных времен – как рассказывали, с той поры как первые потомки Крива явились на верховья Днепра и потеснили голядь. Все знали, что могущественная Ведьма-рагана обретается в лесной глуши, но мало кто мог похвалиться тем, что ее видел. Иной раз кто-то встречал ее, кто-то даже получал помощь, к примеру, заблудившись в чаще, однако всегда это был какой-нибудь свояк из другой веси, или младший брат покойного деда, или еще кто-то, но не сам рассказчик. Басни не сходились между собой в том, какова она: одним она являлась моло-

[3] Ведьма-рагана (точнее, ведзьма-рагана) – устойчивое двуязычное наименование персонажа белорусского фольклора, то же что просто «ведьма». «Рагана» – собственно, «ведьма» в литовском языке. Такой персонаж мог существовать у смоленских кривичей, на землях которых жили славянские и балтские племена (голядь). (*Прим. авт.*)

дой женщиной, другим старухой, третьим опять молодицей, даже молоденькой девушкой-подростком.

В последний раз о встрече с ней рассказывали недавно, пару лет назад, и тогда она предстала старухой весьма почтенных годов. Но эта, пляшущая с медведями, была, сколько удавалось определить под шкурой и личиной, средних лет – не юная резвушка, но и не скрипящая костями карга. Получается, она не просто перерождается из старухи в девчонку, чтобы снова начать взрослеть, а просто от точки смерти начинается двигаться вспять и молодеет постепенно? Кто бы мог подумать!

Завороженная пляской медведей и чудной встречей, краешком сознания Ведома прикидывала, чем ей все это грозит и что делать. Пляска-заклинание не предназначена для чужих глаз. И она не смогла бы так приблизиться, если бы ее не привели сюда невидимые тропы самого леса, не принесли выдохи проснувшейся земли. Сейчас она стояла, слившись с березой и дыша с ней в лад: это простой отвод глаз, бабка Рагнора выучила ее этому еще лет восемь назад. Но если она сдвинется с места, чары разрушатся и ее наверняка заметят. Так что лучше стоять и ждать, пока все кончится.

А если… Если ее заметят и сочтут, что она осквернила волшбу своим присутствием, то три медведя разорвут ее на месте. И не пополнятся смолянские предания рассказом о княжеской дочери, встретившей в лесу медвежью мать, потому что никто об этом не узнает.

И сколько уже было таких случаев – о которых никто не узнал? Ведома впервые задумалась об этом, и стало жутко. Но знает об этом лишь она сама – Ведьма-рагана.

Вот пляска окончилась. Медведи встали на четыре лапы и спокойно направились прочь. Ведома провожала глазами их мохнатые спины, исчезающие среди ветвей. Потом подняла глаза и вздрогнула: сдвинув на затылок медвежью личину и прикрыв ладонью глаза от солнца, Ведьма-рагана смотрела прямо на нее. Потом опустила руку и поманила: подойди.

Ведома помедлила, в глубине души питая слабую надежду, что это не ей. Но волхвита снова поманила ее, уже с заметным нетерпением. Ведома перевела дух и вышла из-за березы…

Она ступала по траве, будто по облаку, не чуя под собой ног. Вот, стало быть, как это бывает. Но страха не ощущала. Ведома была не чужда тайным искусствам – бабка, старая королева Рагнора, обучала внучку с раннего детства. Но то были северные чары, чуждые земле смолян. И то, что Ведома сумела увидеть женщину, в которой воплотился дух этой земли, означало, что она стала для этого достаточно сильной.

Ведома приблизилась и застыла в трех шагах. Да, она не ошиблась, перед ней стояла примерно ровесница ее матери. Под медвежьей шкурой виднелась обычная человеческая одежда: голядская сорочка, понева, состоящая из куска тканины, обернутого вокруг пояса, – «бранча», как ее называют. На плечах «валянка» – синее шерстяное покрывало вроде большого платка, на руках бронзовые браслеты. На голядскую кровь указывали и белесые брови, и черты лица, уже покрытого морщинами.

– Ты знаешь, кто я? – спросила она по-словенски, но с голядским выговором.

– В-ведьма-рагана, – почти твердо ответила Ведома.

– А ты кто?

Ведома промолчала. Не следует называть свое имя подобному существу, не разобравшись, что у него на уме. Ведьма-рагана обшаривала ее пристальным взглядом, в котором не отражалось ни вражды, ни дружелюбия; он ощущался почти телесно, как прикосновение руки.

Перед волхвитой стояла девушка уже взрослая, «полная девка», как говорят о готовых для замужества, худощавая, довольно высокого роста. Из-под белой косынки спускалась на плечо длинная светло-русая коса. Собой девушка была весьма хороша: правильные черты продолговатого высоколобого лица, напоминающего о ее варяжской крови, пухлые румяные губы сложены строго. Обыкновенная шушка белой шерсти, с рукавом до локтя, с красным тканым

пояском, и лишь короткая низка стеклянных бусин, желтых и синих, выдавала дочь состоятельного родителя.

– Не говори мне, – добавила Ведьма-рагана, будто услышав ее мысли. – Ответь себе. Кто ты? Ты – дочь отца-варяга и матери-смолянки. Но кто ты сама? Ты выбрала?

Ведома растерялась. Ведьма-рагана, выходит, знала, кто перед ней. Что она кривичанка, видно по одежде, но никаких вещей, выдававших принадлежность к отцовскому роду, на ней сейчас не было. Да и сам вопрос…

– Но разве… почему я должна выбирать?

Это никогда не приходило ей в голову. Далеко не она одна в земле смолян родилась от союза варягов и кривичей, или кривичей и голяди, или варягов и голяди. Иные роды Свинецкой, Касплянской, Ольшанской или Рутавецкой волости по старой памяти звались «голядскими» или «варяжскими», хотя уже и дома говорили по-славянски и почти ничем не отличались от соседей-кривичей и друг от друга. Но выбирать… Как можно выбрать, отделить половину собственной крови от другой?

– Можно не выбирать, пока все живут мирно и исполняют уговор. – Ведьма-рагана снова уловила, о чем девушка думала. Она говорила по-словенски свободно, как те многочисленные голядки, что отосланы замуж в смолянские роды. – Но твой отец нарушил уговор. И вы, его дети, должны решать, на какой вы стороне. На стороне правды или обмана. И в первую голову это должна решить ты. Твои братья – простого рода, вся их честь – в отце. Но в тебе кровь древних смолянских князей Велеборовичей. Кровь твоих обманом погубленных дедов и бабок. Я знаю: твоя другая бабка хочет, чтобы ты забыла их. Но каждый миг ты ступаешь по земле, с которой смешан их прах. Они ждут, что ты вспомнишь о них. Иначе… иначе они не вспомнят о тебе, когда придет час.

– К-какой час? – прошептала Ведома, придавленная смутной угрозой этих непонятных слов.

– Час судьбы. Когда придет время решать, кому владеть этой землей, каждому придется выбрать и понять, кто же он сам. Когда ты решишь, приходи сюда и оставь здесь платок. – Ведьма-рагана концом посоха указала на березу, под которой стола Ведома во время медвежьей пляски. – И на другой день после этого приходи снова. Теперь ступай.

Ведома неуверенно поклонилась и попятилась. Лишь отодвинувшись на несколько шагов, она повернулась и вошла в рощу. Оглядываться не стала. Но чем дальше она отходила от солнечной поляны, тем сильнее била дрожь.

* * *

Переваливаясь, три медведя ушли прочь с поляны. Когда деревья сомкнулись за спинами, походка их изменилась, будто чары остались позади, и сделалась более похожа на человеческую. Удалившись шагов на пятьдесят, они остановились под дубом, рухнули наземь, перекатились через головы, и из-под шкуры показались лица.

«Медведи» превратились в троих мужчин: один был постарше, с полуседой бородой, и двое парней, тоже довольно взрослых, лет восемнадцати-двадцати. Полуседой сразу поднялся и стал сворачивать шкуру с личиной из высушенной морды. Один парень сидел на земле, наполовину высвободив из шкуры обнаженные плечи и грудь. Другой вытянулся на спине, закинув руки за голову, и косматый мех лежал вокруг него, как лепестки дивного цветка.

Лицо выражало безмятежность и блаженство, как у заново рожденного, что смягчало даже привычную дерзость взгляда прохладных светло-серых глаз. Наполовину высвободившись из шкуры, он впитывал свежий воздух, тепло солнечных лучей, ни с чем не сравнимый запах молодой листвы. В такие мгновения ему хотелось обнять землю, как невесту. Солнце мелькало сквозь листья, и казалось, русалки из ветвей подмигивают игриво.

– Радоха, вставай! – крикнул ему старший. – Хватит валяться. Твой родич дожидается.

– Мои родичи здесь, – расслабленно пробормотал тот, полуприкрыв глаза.

Седоусый уже одевался под дубом, где на время обряда была сложена их одежда.

– Держи! – Он бросил парню серую рубаху, но тот все лежал, продолжая смотреть в небо.

– Что ты там углядел? – спросил второй парень и тоже глянул в небо сквозь ветви.

– Себя. – Тот, на самом деле носивший голядское имя Равдан, наконец сел, будто очнувшись, потом вскочил, высвободил из шкуры нижнюю часть тела и подобрал с травы рубаху. – Который из шкуры вышел.

У каждого из парней висел на шее волчий клык на плотно завязанном ремешке, а у седоватого – несколько звериных зубов, увязанных тайными узлами с какими-то загадочными корешками – знак их принадлежности к стае «зимних волков», иначе вилькаев. Сейчас уже никто не знал, сами ли смоляне принесли с юга обычай отправлять отроков и парней на зиму в лес или выучились у голяди, – об этом постоянно шли споры. Поначалу лесных охотников по-голядски называли «вилькай» – «волки». Но кривичи поняли по-своему и стали говорить «вилькаи», имея в виду всю стаю в целом, а одного «волка» называли «вилькай». Все знали, что это неправильно, но тем не менее так и шло уже не первое поколение. В давние времена в лес на зиму роды отсылали всех парней от двенадцати лет и до женитьбы. Парень, не бывавший в вилькаях, так же не имел бы успеха в поисках пары, как девка, не ходившая по зимам на павечерницы. Но при последних поколениях древний обычай стал затухать, и старейшины отсылали в вилькаи лишь немногих – «только чтоб деды не обижались».

Седоусый мужчина звался Ярый – это было имя-прозвище, переходившее по наследству от одного вожака к другому. Всю жизнь он провел в лесу, род забыл, семьи никогда не имел, и только выговор его намекал на то, что вырос он среди говорящих по-голядски. Лесная жизнь оставила на нем свои следы: кожа была словно выдублена и покрыта глубокими морщинами, правое ухо наполовину оборвано, зубы во рту стояли через один, будто бойцы обескровленной дружины, уже не способной сомкнуть строй. Был он опытен и малоразговорчив, решителен, но осторожен. Молодые вилькаи видели в нем самого Ярилу Лесного, волчьего пастуха.

Его наследником на случай внезапной гибели считался Лютояр. Из всей родни у него была только мать, и почти всю жизнь он прожил с ней лесу. С семилетнего возраста отца ему заменял Ярый: учил ходить по лесу, выслеживать зверя, ловить рыбу, добывать пропитание себе и матери. По всему выходило, что иной дороги для Лютояра и нет. Сейчас, двенадцать лет спустя, это был рослый, худощавый парень с продолговатым скуластым лицом. В его изжелта-серых глазах отчетливо проглядывало нечто волчье.

Равдан, напротив, имел обширнейшую родню, ибо числился младшим из пятерых сыновей старейшины Краяна. Род Озеричей испокон веку жил близ касплянского волока, разбросав свои ветви, веточки и отростки на пять-шесть весей и выселок, со всеми соседями был в родстве и свойстве. Озеричи, как никто другой, с полным правом могли утверждать, что эта земля наполовину состоит из праха их предков. Тем не менее, каждую осень Равдан с гораздо большей радостью уходил в лес, чем весной возвращался обратно. С родичами он ладил не всегда и в лесу чувствовал себя гораздо более к месту.

С Лютояром они водились каждую зиму и дружили с раннего отрочества, то есть уже лет шесть. Оба были парнями неглупыми и отважными, но если Лютояр, более сдержанный, и любил все прикинуть заранее, то Равдан отличался нравом открытым и дерзким, полагался на чутье и судьбу, которая пометила его еще при рождении.

Его мать, голядка Уксиня, имела славу ведуньи: всем помогла при родах, умела гадать бросанием жребия, лучше всех знала разные травы. Когда родился ее пятый сын и сверковь-повитуха стала обмывать младенца, ей никак не удавалось смыть кровавое пятнышко на левом глазу новорожденного. Потом разглядели, что это родимое пятно, занимающее внешний угол века и часть пространства под бровью.

Об этом много толковали в гнезде Озеричей: младенец помечен от рождения, к чему бы это? Ничего хорошего не ждали, и большуха решила на всякий случай не давать ему родового имени. Уксиня придумала чаду имя Равдан – «багряный». Товарищи-словене часто звали его Радан, что было им ближе. Пятно так и осталось на всю жизнь и привлекало внимание, хотя ничуть не мешало самому обладателю. Подозрения большухи оправдались: младший внук плохо уживался с родичами, дерзил и куда охотнее уходил весной лес, чем осенью возвращался домой. «На него суденица не то плюнула, не то поцеловала!» – говорили родичи со смесью осуждения и невольной зависти. Сам-то он не сомневался: судьба пометила, чтобы из виду не потерять.

– Давай, не повидаться же к тебе домовик притащился, – поторопил его Ярый, знавший, что «отцы» по Равдану тоже не скучают. – Видать, любопытное расскажет.

Но вот все трое оделись и пустились в путь. Рубахи из небеленого льна, свиты и порты из серой или бурой шерсти делали их малоприметными в лесу. Шли бесшумно, скользили, будто тени, и Честомил из рода Озеричей, внезапно обнаружив их перед собой, вздрогнул от неожиданности. Он ждал их на берегу Днепра, под развесистыми ивами; рядом был вытащен на песок челн, выдолбленный из ствола такой же толстой ивы.

Близко они не подошли: остановились в пяти шагах, на краю зарослей. Встречи вилькаев и «домашних людей», или домовиков, как лесные их называли, всегда происходили как-то так – на меже, на ничьей земле. Никто не боялся друг друга, но взгляды были взаимно настороженными: и те, и другие видели перед собой чужаков, живущих за гранью знакомого мира.

– Здоровы будьте, лесные! – приветствовал парней Честомил. – Отец прислал.

– И вам не хворать, – ответил за всех Равдан, которому Честомил приходился родным старшим братом. – Что передал?

– С Рутавечи весть передали. От Лучинки. Сестра у тебя была такая, не помнишь?

– Да где их всех упомнить! – пренебрежительно усмехнулся Равдан. – У вас там девок, что в лесу зайцев… Батюшка-то времени даром не терял.

– Ты на батюшку не того… – привычно одернул его Честомил. Дома младший брат никогда не посмел бы так дерзко отвечать старшему, да еще говоря об отце, но в лесу Равдан был членом совсем другого «рода» и домашние обычаи его не касались. – Тебе до него во всю жизнь не дорасти!

– С чем тебя прислали-то? – почти ласково спросил Равдан, но за этой ласковостью явно сквозило обычное для «лесных» презрение к «домашним».

– Обоз идет с Рутавечи, – ответил Честомил, подавляя раздражение, которое «лесные» вызывали у «домашних». – Такой богатый обоз. Едут два богатых свея и князю Свирьке везут какие-то подарки очень хорошие. Люди видели два тюка: вот такие, – он раскинул руки, – кожей обмотаны, увязаны, и видно, что тяжелые. На ночевках хозяева их рядом с собой кладут, чтобы присмотр был. Мнется людям, там серебро.

– Серебро? – изумленно воскликнул Равдан, и его товарищи недоверчиво подняли брови. Серебра в количестве, чтобы хватило на «вот такой» тюк, они не могли даже представить. – Языком болтать – не пашню пахать. Да где же бывает столько серебра?

– А я почем знаю? Я этих тюков в глаза не видел. А видел их Подмога, Лучинкин свекор, и ему про них говорил тот мужик, что варягов от Усвяча провожает. Богатые, говорит, свеи, даже родичи свейскому князю… Мало ли что у них там? А по всему видать, что серебро.

Честомил боязливо оглянулся, хотя здесь, в пустынном месте у реки, никто не мог их слышать.

* * *

Появлению Честомила возле этой ивы предшествовали бурные споры между родичами. Озеричи жили у истоков реки Каспли с незапамятных времен. Еще при дедах стали все чаще появляться торговые гости, пробиравшиеся от Ловати на Днепр, чтобы оттуда попасть на Волгу или Семь-реку. Местные жители давно приспособились брать плату за проезд по их угодьям, к тому же завели на волоке целое хозяйство: держали катки и волов, которых впрягали в тяжелые лодьи, волокуши, на которых перевозили товар от одной воды до другой. Сами помогали торговым гостям перетаскивать лодьи и перевозить груз, поправлять, что сломалось, подвозили съестные припасы и все прочее, в чем может возникнуть нужда в далеком пути. Плату брали частью товара и в хорошие годы поднимали на этом столько, что хватало пережить плохие. Они отказались даже от поиска новых участков под палы, не желая далеко отходить с такого выгодного места, и теперь на пару переходов вокруг людей из рода Озеричей собралось столько, что хватило бы на маленькое племя.

Князья Велеборовичи взимали с этого и свою долю и порой предлагали местным хорошие отступные, лишь бы отдали им заботу о волоках. Но те, не будь дураки, держались крепко. Разобрали наконец, что сама земля, где расположены дедовы могилы, может родить серебро даже лучше, чем просо и овес. И князья уступали. Будучи лишь старшими сыновьями прародителя-Крива, они не могли, боясь богов и чуров, обидеть младших братьев, лишить исконных прав. А что ближе к человеку, чем его земля, перемешанная с прахом дедов?

Князь Сверкер, родом из руси, таких опасений не имел. Он пришел сюда по следу серебра, и на этом следу его ноги стояли прочно. Захватив власть над смолянами, Сверкер завел свой порядок: теперь обслуживанием волока занимались только его люди, варяги и всякие, не пойми где набранные. Разумеется, законные владельцы волоков не отдали их просто так: сам Честислав, отец Краяна, пал в сражении с княжьей дружиной. Но и тогда Озеричи не покорились: не платили дань, дважды сожгли гостиную избу на бывшем своем волоке, однажды ограбили торговый обоз, из-за чего гости потом пару лет обходили этот волок стороной.

Следующим летом после гибели Честислава княжья дружина внезапно налетела на поля, где жали рожь озерские бабы, и уволокли в Свинческ три десятка жниц – почти всех замужних баб двух главных весей. Отбивать их силой Озеричи не смогли: война с варяжским князем и так лишила их многих мужчин. Пришлось мириться и приносить клятвы. Теперь они жили как все, пахали пашню, и лишь молодых парней княжий волоковый староста иной раз звал на помощь.

На всех прочих волоках – между Рутавечью и Березиной, между Лучесой и Ржицей, между Днепром и Сожем – люди были в таком же положении и затаили на Сверкера нешуточную злобу. Выступать открыто они больше не решались, но порой натравливали вилькаев на княжеские товары. Но осторожно. Они саим чувствовали себя ограбленными и жаждали вернуть свое достояние. Но пока Сверкер оставался в силе, надежды было мало.

– Вся его сила – в дружине, оружии да в варяжской родне! – втолковывал старейшина Краян своим двоюродным братьям, Немиге и Дебряну, а также Крутояру, главе рода Протичей, с которым обменивались невестами. – Сверкера его варяжская родня поддерживает, потому что при нем купцам легко ездить. А будут купцы опасаться – с ним вся родня перессорится.

– Будут купцы опасаться – и нам мало толку, – проворчал Дебрян.

– Зато упыри эти не будут нашим добром пользоваться! – запальчиво воскликнул Крутояр. – Как жили до варягов, так и дальше будем жить!

– И каждые десять лет с места на место ходить со всем добром и новые избы рубить… – опять проворчал Дебрян.

– Деды ходили, и мы походим! – взмахнул рукой Крутояр.

Дабы никто их не услышал, старейшины собрались на совет в тайном месте: заброшенной веси Валежничей, младшей ветви Озеричей. Ее окружали обширные лядины, через которые не имелось ни дорог, ни даже заметных троп, и требовалось хорошее знание окрестности, чтобы ее отыскать. Вся весь состояла из трех избушек: одна почти целая, две наполовину разваленные. В оконца совалась боронец-трава и прочая дикая поросль.

– Никуда мы не пойдем! – отрезал Краян. – И купцов беречь надо. Вот если бы сыскался человек такой же силы, как Свирька, и на него ратью пошел! А сильнее всех сейчас те же варяги. Ладожский воевода, ильменский князь, киевский…

– Ладожский воевода и приехал, – вставил Крутояр.

– Они все в родстве, – добавил Немига. – Все одной веревочкой связаны.

– Вот и расчудесно! Одного задень – все потянутся. А теперь рассудите, – Краян оглядел родичей, – что будет, если на Свирькиной земле ладожского воеводу того…

– Чего – того? – опасливо спросил Дебрян.

– Голову снесут, вот чего! – пояснил Крутояр. – Правда, Краян?

– Да вы что! – Дебрян перепугался. – Да что с нами со всеми тогда будет, вы подумали!

– А мы при чем? Я что, с «боевым чуром» тебя на рать идти призываю? Мы вовсе сторона. Мало ли, какие там лиходеи, на волоке? Волок-то больше не наш, какой с нас спрос? Волок-то теперь княжий! А значит, его и ответ. Вот пусть ильменские и киевские варяги с нашего спросят, почему на его земле их родич голову сложил! А когда спросят…

– Что? – в раздражении уточнил Дебрян.

– Хрен в решето! С дружиной придут и со Свирьки голову снимут!

– А дальше?

– А дальше уж наше время наступит! Пока варяги между собой будут ратиться, мы себе и волока вернем, и… Может, боги пособят, чуры помогут, мы и вовсе эту породу варяжскую с нашей земли снесем! Чтоб духу не осталось! Или вам не стыдно, что они на земле дедов ваших расселись, корни запустили, своих мертвецов возле наших кладут? Все соки высосали! Сидим, как жабы, на берегу, в реке серебро течет, а нам и капельки теперь не перепадает!

Лица старейшин изменились: видно было, что каждый из них уже не раз думал именно об этом.

– Да ну вас к лешему! – Дебрян даже на ноги вскочил. – Краяшка, тебя кикимора, что ли, укусила? Войну хочешь затеять? Прямо здесь, у нас! – Он даже руки раскинул, будто пытался показать, где именно будет происходить задуманная война. – Варяги ратиться-то будут между собой, а кого Свирька воевать потянет? Нас и потянет!

– А мы не пойдем! – весело крикнул Немига. – В лес уйдем, ищи нас!

– Они избы попалят, тогда точно в лесу останемся – да с бабами, чадами и скотиной! Наши поля и луга потопчут, пожгут! Нашу скотину забьют! Останемся голыми – кто уцелеет. За голову-то возьмитесь!

– Так что теперь – терпеть до самой крады? – Краян сумел дождаться окончания этой речи только потому, что Дебрян говорил быстро. – Так навек себя и признать холопами варяжскими! Отдать им землю дедов наших? Пусть живут и богатеют?

– Они живут и нам дают пожить! Я своими руками свой дом ломать не буду и тебе не дам! Живем, землю пашем, торгуем помаленьку. Чего тебе еще?

– Это ты потому так говоришь, что тебе Свирька зимой чашу подарил! Чаша-то медная, а ты носишься с ней, будто золотая!

– А тебе он будто рубаху не подарил?

– Да я плюю на его рубаху! Хоть бы ее на свинью надели, мне все равно!

– Дурень ты! Так пробросаешься, голова твоя к свиньям полетит!

– А ты подстилка варяжская, а не мужик!

– Сам ты…

Дебрян подался к Краяну и с размаху ударил в грудь. Тот не остался в долгу, и двое бородатых мужей сцепились в драке. В тесноватой избе они то и дело налетали на печку и стены, так что сруб содрогался и прочие с испугом поднимали глаза к кровле: сейчас рухнет и придавит всех!

Из темного угла выступила невысокая женская фигура. Это была жена Краяна, голядка Уксиня: он взял ее с собой, потому что только она помнила дорогу к заброшенной веси Валежничей. Без страха она шагнула к дерущимся мужикам, что-то быстро сказала по-голядски и сделала руками резкое движение, будто разрывала ветхий лоскут напополам.

Краян и Дебрян расцепились и разошлись на пару шагов. Потом подняли головы и с изумлением уставились друг на друга. Им казалось, что драка, от которой они еще не остыли, им примерещилась, тем более что ни тот, ни другой никак не могли вспомнить, из-за чего она началась!

А Уксиня тихо отошла к двери и снова присела там, став почти незаметной.

– А все же пощипать варягов было бы неплохо, – сказал Немига, невозмутимо наблюдавший за дракой. – Что им плохо, то нам уже хорошо. А выйдет поссорить Свирьку с киевскими и ладожскими – и еще того лучше. За вилькаев мы не ответчики, а они о себе сами порадеют. Выйдет худо – уйдут подальше, этим летом домой не воротятся, что за беда? У тебя же, Краян, там один сын?

– Один.

– А четверо дома?

– Четверо.

– Ну, и у меня так. Если что – еще настругаем!

Старейшины обменялись ухмылками, разгладили нахмуренные лбы. Все они были уже в тех годах, когда первая жена состарилась и не может больше рожать, зато сами мужики еще орлы. В эту пору, женив старших детей, обычно берут вторую молодую жену.

– Я вот про одно только думаю… – начал Немига. – Вот, услышат нас боги, приберут породу варяжскую, очистят землю нашу. А князя-то мы где себе возьмем?

Все озадаченно уставились на него. Велеборовичи, исконные князья смолян, были Сверкером истреблены начисто.

– Ну… – Даже Краян растерялся, поскольку этот вопрос никогда не приходил ему в голову. – Как-нибудь… неужели не справимся?

– Чего – справимся? Из глины, что ли, себе нового князя слепим?

– У полоцких можно попросить. Их князья с нашими в родстве были.

– Ловацкий князь Велебой прежний был женат на сестре Ведомила, – подсказал Дебрян. – Значит, нынешний их князь – ее внук.

– Который киевскому князю покорен и дань платит? Вот нам, кстати, и помощник! – повеселел Краян. – А вы говорите… Тут главное – дело начать. А там уж…

– Если дело наше угодно богам, они пошлют смолянам князя, – вдруг подала голос Уксиня.

– Да как бы узнать, угодно или не угодно! – Дебрян в отчаянии хлопнул себя по бедрам, поскольку этот вопрос его мучил более всего.

– Узнать есть способ только один.

– Какой?

– Начать. Кто не начинает дела, никогда не узнает, угодно ли оно богам.

* * *

Из тех, кто на этом малом вече не был, в суть дела посвятили только старшего Краянова сына Честомила. Его отец выбрал в гонцы, а остальным было вовсе незачем знать. Если хоть

слух просочится, кто навел вилькаев на дорогой груз, род Озеричей окажется под угрозой полной гибели. Князь и так ведь помнит, кто ему добра не желает…

– Мать гадала – сказала, дело кончится благополучно и с прибылью. Одно худо – дружины у тех двоих много, – добавил Честомил, рассказав вилькаям о варяжском обозе.

– Много – это сколько? – Равдан перестал ухмыляться, его дерзкий взгляд стал пристальным и внимательным.

– Да копий по тридцать у каждого. – Честомил помрачнел. – Вы уж сами думайте, сподручно вам или как. А товар, по всему, видать, дорогой. Не всякий год такое возят.

Равдан быстро переглянулся с товарищами.

– Где они сейчас? – спросил Лютояр.

– У Подмоги и есть. Сказали, дня три отдохнуть хотят.

Вилькаи вновь переглянулись: времени оставалось в обрез.

– Передай спасибо Подмоге и Краяну, – сказал Ярый.

– Не забудьте: наша половина… если что, – напомнил Честомил.

– Много хотите! – возразил Равдан. – Наших половина поляжет, если дело не сладится. А ваших всех трудов – по реке прокатиться.

– Да вам что – вы в лес ушли, ищи вас! – возмутился Честомил. – А нам куда деться: у нас селенья, избы, бабы, скотина, дети! Если узнают, что от нас вести пошли – пожгут и всех варягам продадут! По реке прокатиться! Вот будут у тебя чада, узнаешь, чего стоит так вот кататься! Э, да откуда у тебя…

Он махнул рукой, не ожидая от младшего брата ничего хорошего и в будущем.

Равдан только ухмыльнулся. Он нравился девкам и даже молодухам, на Ярилиных игрищах не скучал и не сомневался, что у него уже есть дети, только он об этом не знает. О том, чтобы где-то родился младенец с таким же, как у него, пятном, пока разговоров не было. Но при всех своих способностях он не мог вообразить себя таким же вот хозяином, дрожащим за сохранность избы и домочадцев.

– Нам и половины хватит! – Лютояр усмехнулся и положил Равдану руку на плечо, успокаивая. – Много ли нам надо, брат? Или тебе шелков хазарских да блюд хвалынских хочется?

Равдан расхохотался и кивнул на сложенные на траве медвежьи шкуры:

– По мне – так лучше этого вон платья ничего нет. Куда в наших норах блюда хвалынские?

– Ну так и леший с ними. Нам наша воля всего дороже, правда?

Набеги на купцов вилькаи предпринимали не слишком часто: у тех имелась своя дружина, и редко когда тяга к добыче перевешивала опасения.

– А вот кому хорошо, так это гостям торговым, – сказал Равдан, глядя вслед челноку, на котором Честомил отправился восвояси. – На месте не сидят, возле бабы, а ездят по разным землям. Я порой думаю, вот бы и нам тоже…

– И нам? – насмешливо покосился на него Лютояр. – Чем торгуешь, богатый гость – шишками сосновыми, шишками еловыми?

– Нет, ты посмотри! – Равдан подошел к нему. – Вот сейчас, даст Велес, возьмем добычу. Чтобы там серебро было вот в таком тюке, это Подмога, конечно, брешет. Но если и правда товар дорогой, то можно с нашей долей отсюда на Волгу двинуть, там продать.

– В Киев ближе. Сейчас все больше в Киев идут.

– Ну, туда. Доберемся и до Киева, мы ребята не робкие. А, Лютога?

– Судьба моя темна покуда! – Лютояр подавил вздох. – Не хочу загадывать.

– Ты что – бабка старая, сидеть косточки бросать? – негодовал Равдан. – Так всю жизнь просидеть можно! В деле ее испытывают, судьбу! Ты вроде парень-то неробкий, а жмешься, как девка!

– Я – девка?

– Ты девка! Косу осталось отрастить!

После этого последовала потасовка, за которой разговор забылся. Однако Равдан, не в первый раз заведший об этом речь, видел, что некие думы о своей судьбе у его приятеля имеются. Только он не хочет ими делиться.

* * *

Ведома ушла с поляны в другую сторону и на вилькаев не наткнулась. Ей давно пора было домой, в Свинческ.

Сверкер сын Олава дал дочери имя в честь тогдашнего князя смолян – Ведомила, ее деда по матери. Когда Ведоме, старшей дочери Сверкера и Гостиславы, было четыре года, борьба кривичской и варяжской знати вылилась в открытую войну. Победил ее отец – обладатель более многочисленной, хорошо снаряженной и обученной дружины. Гонцы с приказом собирать ополчение еще и не успели оповестить всех смолян, как князь с сыновьями уже был убит, женщины и дети взяты в плен.

Родившись в семье воеводы-варяга, Ведома стала княжеской дочерью. И даже почти главной наследницей: княгиня произвела на свет трех дочерей, но сыновей Сверкер так от нее и не дождался. Как водится, после победы он набрал себе жен-заложниц от наиболее крупных покоренных родов, и младшие жены родили ему несколько сыновей. Но пока старшему из них было лишь десять лет, и это беспортошное воинство вовсю рубило деревянными мечами бурьян.

Городок Свинческ, в котором жил когда-то Олав, а потом Сверкер, был невелик и вмещал только князя с хозяйством и дружиной. Все прочие – торговцы, ремесленники, рыбаки, – обитали в предградье, где их отдельные избы или дворы, разделенные плетнями, были беспорядочно разбросаны на весьма широком пространстве днепровского берега.

Усталая после целого дня блужданий по лесу, Ведома прибрела наконец на княжий двор и там наткнулась на свою челядинку Нежанку, молодую и приятную видом девушку.

– Бабка тебя искала. – Нежанка забрала у Ведомы корзинку с приувядшими желтыми цветками.

– Не говори никому пока, что я вернулась. Цветы сушить разложи.

В срубах, из которых была выстроена стена городца с забороломповерху, располагались загоны для многочисленной княжьей скотины, клети для разных припасов, жилые избы для челяди. Их двери выходили на связку изб, которые назывались хозяйскими. Первой в ряду была изба князевой матери, старой Рагноры, где жила и Ведома. Дальше – изба Сверкера, там хозяйство вела Иногостьица, из числа его младших жен.

Убедившись, что ее никто не видел, Ведома метнулась к третьей избе, где обитала княгиня с младшей дочерью, Прияной. Она хотела увидеться с матерью. Прямо сейчас, иначе не спать ей ночью.

В избе было тихо, горела лучина, и Гостислава сидела рядом с ней за пряжей. Она всегда пряла, круглый год. Будто надеялась исправить судьбу своего рода, так неудачно спряденную девами-суденицами. С тех пор как ее родные были загублены ее же мужем, она всегда носила «печальную сряду» с синим вершником, не выходила к гостям, не участвовала в обрядах и принесении жертв. С ней почти никто не виделся, кроме домочадцев.

Если знатные гости порой спрашивали о ней, Сверкер с полной откровенностью отвечал:

– Она скорбит по своим родичам, с которыми мне пришлось скрестить оружие двенадцать лет назад. С тех пор она носит печальные одежды и не участвует ни в каких увеселениях. Княгиня ведет себя именно так, как ей и полагается, – добавлял Сверкер, и виду не подавая, будто поведение жены ему хоть сколько-то неприятно. – Я был бы разочарован, если бы она поступила иначе. А так я знаю, что женат на достойной женщине, знающей свой долг перед родом.

Ведома не раз уже слышала эти речи. В те дни, когда все это случилось, ей было всего четыре года и она мало понимала в происходящем. Помнила, как мать кричала и причитала, а бабка Рагнора забрала ее, Ведому, и двухлетнюю сестру Олову к себе в дом. Они рвались к матери, но бабка не пускала, непреклонно объясняя:

– Иначе она вас зарежет и подаст на стол вместо двух поросят!

Девочки замирали от ужаса, не понимая и отказываясь верить, как это их собственная родная матушка может зарезать их и поджарить! Она же не Ведьма-рагана, которая иногда, по слухам, проделывает такое с детьми, что теряются в лесу. Но бабка Рагнора рассказала им всю повесть о женщине по имени Гудрун: когда Атли, ее муж, убил ее братьев, она зарезала двоих их детей и подала отцу их жареное мясо.

– Я не хочу, чтобы с вами поступили так же! – говорила Рагнора.

Через год Олова умерла, но взамен родилась третья дочь – Прияслава. Однако и это не оживило Гостиславу. Обязанности княгини исполняла сперва одна Рагнора – приносила жертвы, угощала предков, начинала жатву и выгон скота, – а в последние годы к ней присоединилась Ведома. Дочери привыкли, что их мать все равно что нездорова, и приучились заботиться о ней, не особо рассчитывая на ее помощь или совет.

Их воспитание почти целиком забрала в руки «дроттнинг[4] Рагнвёр», или Рагнора, как ее звали кривичи. Уроженка Северного Пути, она когда-то явилась сюда с мужем, Олавом, его дружиной и годовалым сыном на руках. Но и теперь, когда этот сын стал князем смолян, старая Рагнора по-прежнему прочно держала его в руках.

Ведома могла перечислить все поколения своих северных предков вплоть до богов и великанов, однако вторая половина ее существа, та, что заключена в материнском роде, была словно отрезана. Но сейчас, после встречи с Ведьмой-раганой, она вдруг по-новому осознала, что эта вторая половина существует и имеет свои права. Мать не примирилась с тем злом, которое причинил ей отец. И ей, Ведоме, нужно выбрать, на чьей она стороне. Жить иначе – все равно что стоять на тонком льду. Всю жизнь так нельзя.

Возле печи клевала носом Норима – княгинина челядинка.

– Поди постой в сенях, – Ведома толкнула ее в плечо. – Если кто придет, дай знать.

Норима вздрогнула, очнулась и поклонилась. Когда она вышла, Ведома села на лавку вплотную к матери, оглянулась на сестру. Убедилась, что Прияна крепко спит, и зашептала матери в самое ухо:

– Я сегодня в лесу видела Ведьму-рагану!

– Что? – Гостислава отшатнулась и уставилась на дочь широко раскрытыми глазами. – Не может такого быть!

Они были одного роста и похожи лицом; в полутьме при лучине морщины старшей не бросались в глаза, из-за чего сходство становилось заметнее.

– Я видела ее! В лесу, когда мать-и-мачеху собирала. Она сперва с медведями плясала, а потом меня заметила и велела подойти.

– Ты говорила с ней? – Княгиня переменилась в лице. – Какая она сейчас – совсем дряхлая?

– Вовсе нет! Она твоих лет, может, даже помоложе малость будет.

– Помоложе? – не поверила княгиня.

– Я видела ее за три шага! – горячим шепотом настаивала Ведома. – И был яркий день. Она не старше тебя. И говорит, как голядка, и одета по-голядски, в бранчу и валянку. И мне все кажется, будто я ее уже видела. Нет, не видела, а слышала… может быть.

Еще там, на поляне, Ведоме померещилось в «матери медведей» нечто знакомое. Но этого не может быть. Они никоим образом не могли видеться раньше. Но почему же ее голос…

---

[4] Дроттнинг (*др.-исл.* drottning) – королева. От drottinn – господин, князь. (*Прим. авт.*)

ее речь казались знакомыми? Нет, не потому что в Свинческе полно голядок, говорящих по-словенски, – хотя бы их собственные челядинки. Здесь что-то иное. Забытое воспоминание о чем-то, виденном очень давно, рвалось из глубин давних детских впечатлений, но Ведома не могла разглядеть подробностей.

– Но это верно ли она? – настаивала Гостислава. – С чего ты взяла, это Ведьма-рагана – она сама тебе сказала?

– Она спросила, знаю ли я, кто она. Потом спросила, кто я. А еще сказала, что я должна выбирать… – Ведома запнулась. – Между вами. Отцовским родом и твоим. Но как я должна выбрать? Ты выбрала свой род, это я понимаю…

– Ничего ты не понимаешь! – перебила ее мать. – Если бы я выбрала свой род… многое было бы иначе. Все было бы иначе! Но как я могла? Запомни: когда род отдает девку в жены по уговору, она *отдана*! Она больше не принадлежит своему роду – она выкуплена, за нее заплачено! Нельзя корову продать, а потом ходить ее доить! Нельзя отдать девку по ряду, а потом ждать, что она будет на твоей, видишь ли, стороне!

Она почти кричала, хотя и шепотом: видно было, что впервые за много лет она открывает то, что на душе. Ведома, потрясенная этой горячностью той, которую привыкла видеть тихой и молчаливой, в испуге схватила ее за руку.

– Я их не просила меня за варяга отдавать, – тише, но с той же лихорадочной горячностью продолжала Гостислава. – И не убегом за него выходила[5]. Они меня сами отдали. И ты запомни: за кого тебя по ряду отдадут, тому ты и будешь по самую краду верна. И никакой «другой стороны» у тебя не будет. И выбирать нечего.

– Но ты же… – шепнула Ведома, имея в виду, что мать не хочет знать того мужа, которому, по собственным словам, обязана верностью.

– А что я? Всякая жена горюет по кровным родичам, таков обычай. И если род злодейски истреблен и не отомщен, то горевать до самую краду. Я и горюю. А своему мужу я жена. Вон, – княгиня кивнула в сторону укладки, на которой спала Прияна, доказательство ее супружеской покорности. – Ни ему, ни его детям я зла не сделаю. Истребил бы мою родню другой кто, я бы тоже весь век в горевом ходила. Только коли бы ее кто другой истребил, муж бы отомстил, тогда бы и я опять в цветное платье оделась.

Ведома молчала, осмысливая услышанное. Так вот: всю жизнь живешь рядом с родной матерью, а потом оказывается, что все это время извлекала из ее судьбы совсем не тот урок, который она давала.

– Я поняла… – задумчиво пробормотала девушка.

Уразумела наконец. А ее еще умной считают.

– А вот если убегом уйдешь, тогда, значит, за свою жизнь сама и ответчица, – продолжала мать. – Тогда тебе и нужды нет: как там твоя родня, жива ли? Но и ей о тебе – тоже.

В этих ее словах Ведоме почудился намек, и она пристально взглянула матери в лицо. Кажется, та ответила на вопрос, который дочь еще не задала.

– И когда такие, как ты, сами не знают, кто они, – Гостислава сама взяла ее за обе руки и наклонилась ближе к лицу дочери, – может, им и лучше свою судьбу самим прясть. На новой росчисти сеять да потом не жаловаться.

Ведома промолчала. Она так привыкла к мысли, что замужеством ее распорядится отец, да и то после того, как ему это разрешит бабка Рагнора, что мысль о браке «убегом» поразила ее своей новизной. Да и с кем ей бежать?

– Где ты встретила Ведьму-рагану? – прервала ее мысли мать.

– В березняке за Толимовым оврагом.

---

[5] Убегом, уводом, украдом – архаичный способ заключения брака, когда невесту похищают (обычно с игрищ). Брак считается состоявшимся, если пару не настигнут до утра. (*Прим. авт.*)

– Далековато…

– Я часто туда хожу. Там травы добрые.

– Я не про это…

– А про что?

– Ничего. – Гостислава отмахнулась, лицо ее приняло обычное замкнутое, безучастное выражение. – Ступай. А то бабка твоя за тобой сюда притащится.

– Идут! – Дверь распахнулась, заглянула Норима.

– Не здесь ли княжна? – Вслед за Норимой вошла Белча, челядинка старой Рагноры.

Видимо, бабка еще не спала и послала разыскивать внучку, которой давно пора вернуться.

Ведома встала, поклонилась матери и пошла прочь. Закрылась дверь, все стихло, Гостислава улеглась и знаком велела Нориме погасить лучину.

Но нечего было и думать – заснуть.

Княгиня, двенадцать лет назад похоронившая, казалось бы, все свои привязанности, вдруг как проснулась и осознала, что ей еще есть что терять. Если девушка, забредшая в лес, случайно встречает Ведьму-рагану, то случайной эта встреча будет лишь для одной стороны. И уж точно не для Ведьмы-раганы. Встреча с ней означает, что настал переломный миг судьбы. Ее, Гостиславу, к Ведьме-рагане водила ее собственная мать, – когда ей исполнялось семь, двенадцать и пятнадцать лет. Сама она не ходила туда со своими дочерьми: вместе с родной семьей для нее погиб и весь старинный обычай.

Но судьба так не думала. Ее старшая дочь подросла, и судьба, устав ждать, сама отправилась на поиски.

* * *

Княгиня вышла из дому на заре. Никого не позвала: ни дочерей, ни челядинок. С собой она взяла корзину, надо думать, собираясь за весенними травами. Норима, провожавшая ее, видела, как княгиня завернула в ветошку два ломтя хлеба: похоже, собиралась далеко. Малосмысленные бабы норовят всяких трав надрать на Купалиях – дескать, они в наивысшую силу входят; женщины помудрее знают, что почки древесные, многие виды коры и кореньев надо брать весной, когда они накопили силы матери-земли для роста, но не успели пустить ее в ход – вот тут ее и следует перенять.

После бессонной ночи княгиня была еще бледнее обычного, отеки под глазами и морщины обозначились резче. Однако она шагала бодро, даже торопливо, и временами сама себя осаживала: путь неблизкий, надо силы беречь. Немного прошла по тропке вдоль реки, когда ее окликнул из челна рыбак Журавка, чья избушка стояла на другом берегу Днепра неподалеку от Свинческа:

– Утро доброе, матушка! Далеко ли собралась?

– За травами.

– Не подвезти ли?

Гостислава поколебалась, но все же решилась:

– Подвези до Красного ручья.

Она устроилась в челне, и Журавка – малорослый, но ловкий мужичок, приветливо глядевший из гущи рыжевато-пегих нестриженых волос и бороды, – ловко повел его вниз по Днепру, в этих местах не слишком широкому. К княгине в округе относились с уважением и сочувствием: все понимали, как тяжко ей жить с убийцей семьи, и в ее непреклонной решимости соблюдать вечную «печаль» видели отражение собственного горя по загубленному роду кривичских князей. Все знали, что она почти всегда молчит, поэтому рыбак не лез с разговорами, но даже в привычных движениях весла его ощущалась особая бережная почтительность.

– Смотри, не говори никому, что видел меня и вез, – предупредила княгиня, когда он помог ей выбраться на берег в указанном месте. – Не то… удачи не будет моему делу.

– Не скажем! – дружелюбно заверил Журавка. – А то известное дело: пойдут языками болтать, вся сила и того…

Он полагал, что княгиня опасается, как бы собранные травы от чужого внимания не утратили силу. А может, его почтительность простиралась до того, что он вовсе не задавался вопросом, какие у нее дела в глухомани.

За ручьем княгиня снова вступила в лес. Здесь пошла медленнее: добрый рыбак сберег ей время, а к тому же надо было вспомнить дорогу. Княгиня помнила направление, но совсем не узнавала местности. Чему дивиться – ведь она была здесь всего три раза: в детстве и юности. И с последнего раза прошло… сколько же ей сейчас? Ну, сколько бывает матери, у которой дочь-первенец – невеста? Да прибавить три лишних года, которые просидела в девках она сама. Много выходит. Иные столько и не живут. За это время здесь многое изменилось: на бывших лядинах поднялся новый лес, а прежний лес лежит, вырубленный и высушенный с прошлого лета, приготовленный под пал. Вот-вот поплывут над лесом дымы…

Началась более низменная местность, поросшая ельником. Ельник под нивы палят неохотно, и здесь все осталось как было. Гостислава стала припоминать, куда ее, девочку, водила мать.

Однако места делались все более глухими. Гостислава давно миновала последний ручей, который помнила, обогнула глубокий овраг и углубилась в чащу уже без троп и примет. Теперь она шла наугад. Миновал полдень, судя по солнцу меж еловых вершин. Ноги давно промокли, выбившиеся волосы липли к лицу, и она остановилась, чтобы поправить волосник и перемотать убрус. Зудели над ухом первые комары. Чуть позже от них роздыху не будет.

Путь преградило поваленное дерево, за ним еще. Гостислава наткнулась на полосу бурелома – видимо, здесь вихрь прошел. «Рассказывают, что зверь-мамонт ходит своими тропами подземными, а над такой тропой все деревья валятся», – вспомнилось, как рассказывала ей мать на пути сюда в первый раз, когда Гостише было всего семь. Она тогда очень боялась, что зверь-мамонт надумает выбраться на белый свет поглядеть и наткнется на них. Но не подавала вида, лишь крепче сжимала материну руку. Неужели то самое место? Как теперь угадать?

– Гостиша, уж не ко мне ли ты идешь? – вдруг раздался голос из зарослей.

Никакого движения Гостислава не приметила, а значит, за нею наблюдали уже некоторое время. Но она лишь чуть вздрогнула: она ведь ожидала встречи, хоть и сама не зная с кем. Быстро подняла голову и огляделась. Никого.

– Где ты? – с нетерпением крикнула Гостислава, не в силах больше выносить неизвестность. – Покажись. Я здесь одна!

– Знаю. Давно тебя приметила.

Гостислава наконец поняла, откуда идет голос. Вот и женская фигура возле ели – незаметная в бурой шерстяной накидке-валянке рядом с бурым шершавым стволом. Княгиня встала, но сделала лишь шаг. Эта фигура под елью так прочно сливалась с лесом, что Гостислава усомнилась: уж не лесовица ли это? Однако судя по голосу, с ней говорила голядка. Все, как рассказывала Ведома.

– Зачем ты пришла?

– Я хочу знать, зачем ты искала мою дочь! – Княгиня справилась с волнением, и голос ее зазвучал твердо, с забытой повелительностью.

– Я не искала твою дочь, – с насмешкой ответила ведьма только на первый вопрос. – Она сама пришла. Ее счастье, что медведи стояли к ней спиной.

Гостислава промолчала: про медведей Ведома не упомянула.

– Но ты говорила с ней, – начала она снова. – И хотела от нее… чтобы она выбрала между родом отца и моим.

– Твой выбор давно всем ясен. Но теперь твоя дочь – взрослая и сама может выбирать.

– Оставь мою дочь в покое! Что тебе за дело до ее выбора? При чем здесь ты?

Женщина в бурой валянке оторвалась от ели и неслышным шагом двинулась вперед. Гостислава оробела, но не показала вида и не сдвинулась с места. К тому же и она улавливала в голосе новой Ведьмы-раганы нечто знакомое, но давно забытое, и жаждала взглянуть ей в лицо при ярком свете.

Да, дочь не ошиблась. Это была женщина в тех же годах, что и сама Гостислава. Бурая юбка-бранча, голядская бронзовая застежка скрепляет валянку на груди. Белесые брови и ресницы, усталые светло-голубые глаза…

Взглянув в это лицо, Гостислава вдруг ощутила себя молодой девушкой – будто провалилась на двадцать лет назад. Они уже встречались. И воспоминание было каким-то очень близким, касалось родного дома и было тесно с ним связано. Гостислава с напряженным вниманием окинула мысленным взором воспоминания своей юности. Потом охнула:

– Ег… Еглута!

У Ведьмы-раганы слегка дрогнули белесые ресницы.

– Это ты! – Гостислава уверилась в своей догадке.

Теперь она отчетливо вспомнила это лицо: это была жена ее младшего брата Ростимила, женатого на девушке из знатного голядского рода Герденичей. Вспомнив, Гостислава уже не сомневалась: они ведь были знакомы целых восемь лет, хотя и виделись не слишком часто. Та сильно изменилась, иначе Гостислава узнала бы ее быстрее.

– О боги! Откуда ты взялась! Двенадцать лет спустя! Из-за моря Хазарского вернулась?

За Хазарское море через Волжский путь двенадцати лет назад продали всех женщин и детей Ведомилова рода. Гостислава и сама понимала, что вернуться с того света было бы не более удивительно. Даже менее: есть немало преданий о походах на тот свет и обратно, но нет сказания о дороге от Хазарского моря!

– Я не была там.

– Ты… Ой, вспомнила! – Гостислава схватилась за щеки. – Ведь ты утонула! Я помню… рассказывали…

– Может, и утонула. А теперь пришло мое время выплыть.

Гостислава смотрела на нее, закрыв ладонями нижнюю часть лица. Воскрешение настоящей покойницы поразило бы ее не больше. Теперь она все вспомнила. Она не видела, как дружина ее мужа брала приступом Ольшанский городец, где жил князь с родичами, но потом много раз слышала рассказы об этом.

…В Ольшанском городце набилось много людей, стояла неразбериха, и сражение продолжалось прямо над головами женщин и скота. Все домочадцы Ведомила прятались в избах. Только мальчик, старший сын Ростимила, убежал и спрятался где-то в бане; его мать, Еглута, искала беглеца. А когда нашла забившимся под лавку, между ними и княжьими избами уже звенело оружие и кричали раненые. Понимая, что в этой свалке им не уцелеть, Еглута толкнула мальчика назад, в баню. Там они и просидели, пока защитников городца не оттеснили в глубь построек.

Едва в воротах перестали звенеть оружием, Еглута вытащила сына и побежала с ним прочь. Их заметили, окликнули. Мало ли было тут молодых баб с маленькими детьми, но Сверкер велел не выпускать никого. Вместе с ней кинулись бежать еще какие-то люди, вдохновленные ее примером; их пытались перехватить в воротах и снаружи, кто-то получил сулицей в спину, но Еглута не оглядывалась на крики и бежала, умоляя сына живее переставлять ноги. Семилетний мальчик и сам спешил как мог, ясно видя смерть перед глазами. За ними гнались, но толпа мешала. Еглута первой достигла берега, где лежали несколько челнов, забросила сына в ближайший, прыгнула следом и оттолкнулась веслом. Какой-то мужик пытался вскочить туда

за ней, но она без раздумий огрела его веслом по голове: втроем они бы не поместились, а ей нужно было спасти ребенка.

Течение несло челн, запыхавшаяся и растрепанная Еглута пыталась лишь держать его подальше от берега. Кто-то бежал за ними по суше, кто-то греб следом. В воду возле борта упала стрела, и она крикнула: «Ложись на дно!». Мальчик лег, а она продолжала грести, выбиваясь из сил и не думая, что будет дальше. Но гребец из нее был не сильный, и челн несло за заросли ив, наполовину погруженные в воду.

Уже почти стемнело, едва удавалось различать очертания предметов. Челн сильно вздрогнул, налетев на что-то, и перевернулся. С другого челна, где гребли двое Сверкеровых хирдманов, услышали вопль мальчишки, женский крик, и все стихло.

Хирдманы приблизились: плавал перевернутый челн и рядом весло. За их весло зацепилось нечто длинное и белое – оказался женский убрус.

– Нырнем, что ли? – предложил один.

– На днях зима начинается – сам ныряй! – сердечно предложил второй.

Они еще немного покружили, стараясь не приближаться к зарослям, где сами могли перевернуться. Но было тихо, на окрики никто не отзывался. И они вернулись, привезя новому князю мокрый льняной убрус. Они даже не очень поняли, кто это был: у Ведомила в доме этих баб и детей насчитывалось десятка два.

Потом уже, когда все успокоилось и пересчитали добычу, обнаружили, что не хватает жены младшего княжича и их первенца мальчика. Еще раз посылали людей к ивам, шарили крюками по дну, но ничего не нашли. Так и махнули рукой: течением снесло или водяной уволок…

* * *

И теперь Гостислава смотрела на Еглуту, пытаясь понять, не провела ли та, в самом-то деле, эти двенадцать лет на дне у водяного. И терялась, не зная, что ей сказать. Двоих младших детей Еглуты отослали на Волжский путь вместе со всем семейством. А тот старший – как же его звали-то? – кого она пыталась спасти? С ним-то что? Если мать не сумела его вытащить из холодной воды месяца листопада – с какой мукой на сердце живет она эти годы!

Однако было ясно: Еглута заняла место прежней Ведьмы-раганы, в избушку которой ходила когда-то юная Гостислава. Ибо никто не молодеет и не живет задом наперед. Даже Ведьма-рагана. Она просто умирает и уступает место преемнице, как всякая большуха, только дом ее – чаща дремучая, а семья – звери и птицы лесные.

– Чего ты хочешь от моей дочери? – наконец спросила Гостислава. Это было самое главное, ради этого она пришла. – Оставь ее в покое. Она в своей судьбе не вольна.

– А ты? Похоронила ты родичей, отплакала, – Ведьма-рагана скользнула взглядом по «печальной» одежде золовки, показывавшей, что та не отплакала и по сей день, – и забыла?

– Ты видишь, как я забыла! – Гостислава развела руки, будто показывая синий «горевой» вершник.

– Если так – неужели не желаешь роду своему возрождения?

– Желаю! – Гостислава всплеснула руками.

И эта чужая женщина, голядка, будет ее попрекать недостаточной заботой об ее собственном роде?

– Мало ли чего желать можно? А вот чего можно исполнить – другой разговор. Я не Мара и Жива, у меня живой и мертвой воды нет, чтобы покойников поднимать.

– Покойников не поднимешь. Но у тебя есть дочери. Муж любой из них будет полноправным смолянским князем, коли уж братьев у них нет. Пусть у злодея нашего есть сыновья, но ты ведь их жалеть не будешь, как он наших сыновей не пожалел.

– Моим дочерям злодей наш сам мужей присмотрит, – с досадой ответила княгиня. – Меня не спросит.

– Ну а я тебя спрашиваю: если бы нашелся твой дочери муж достойный, такой что мог бы по праву рождения и брака стать князем смолян – ты бы поддержала его?

– Где же такого взять?

– У земли родной всего много.

– Говори, что ты задумала! – Гостислава не желала терпеть недомолвок в таком деле. – У меня, кроме дочерей, никого не осталось, я ими играть не позволю!

– У меня еще меньше твоего осталось! – Ведьма-рагана жестко глянула на нее. – Но ради того я что угодно сделаю. Ты подумай, и дочь твоя пусть подумает. Если и дальше хотите меж двух скамей сидеть, то не взыщите, если опять с вами то же будет, что уже было один раз.

– Что ты задумала?

– Если появится новый князь смолянский, той же крови, что и твой отец и братья покойные, – ты примешь его? Признаешь своим?

– Той же крови? – Гостиславе вспомнились родовые могилы, которые она навещала в поминальные дни. – Да откуда?

Не из-под земли же выйдет!

– А вот увидишь. Прощай пока. Надумаешь чего – твоя дочь знает, как меня вызвать.

Ведьма-рагана повернулась, шагнула к лесу и исчезла – мелькнуло что-то меж еловых лап, и все затихло.

Но Гостислава не сразу тронулась в обратный путь, а еще какое-то время сидела на том же стволе, пытаясь осмыслить эту встречу. Новый князь? Той же крови? Что за басни ей наплела вдовая невестка? Уж не тронулась ли умом с горя? Или правда выучилась мертвых поднимать?

И только когда Гостислава вышла назад к берегу Днепра, где смирно, делая вид, будто он тут по своим делам, дожидался Журавка, ее будто мешком по голове хлопнуло. Ей пришла самая простая мысль, которая, конечно, уже давно была должна прийти.

Да ведь Еглута говорила о своем сыне – том самом, которого пыталась спасти. И который, выходит, вовсе не утонул.

* * *

Времени на дорогу до Рутавецкого волока оставалось в обрез, поэтому вилькаи тронулись в путь в тот же вечер. Никто другой и не успел бы туда добраться, но «лесным братьям» был известен путь через самое верховье Каспли, которое не использовали торговые гости: он вел через болото, и чужой человек здесь просто бы пропал. Часть пути проплыли по речке – настолько узкой, что ветви ив по берегам перегораживали ее целиком и порой даже в челноке едва можно было протиснуться, пригнувшись ниже бортов. Дальше шли пешком.

Уже совсем близок был день, называемый Велес Затвори-Пасть, после которого юные вилькаи расходятся по отчим домам. Но сейчас их еще насчитывалось почти два десятка. Они шли по узкой тропке цепью, и там, где на земле могли остаться следы, ступали точно в след впереди идущего: не видевший стаи едва ли мог бы сказать, сколько их здесь прошло.

Возглавляли цепь Лютояр и Равдан. За ними шла основная часть «зимних волков» – полтора десятка отроков от тринадцати до семнадцати лет. Всем им, как и Равдану, предстояло уже скоро вернуться на лето домой. Кому-то – насовсем: старших летом или к осени женят, а женатые в лес не ходят.

Позади них шли трое, кому лес служил единственным обиталищем: это были безродные, не пойми какие люди, носившие прозвища Кабан, Белка и Малец. Благодаря возрасту, опыту и сноровке они пользовались в стае уважением, но отроки тайком косились на них с превосходством и снисхождением. Любой нынешний отрок мог со временем стать уважаемым главой

большого рода, а эти уже ничем не могли стать. Сгинут – через год никто и не вспомнит, под какой корягой положили. Кабан, сильный мужик, был так неразговорчив, что от него с трудом удавалось добиться слова: «отвык разговаривать». Товарищ его звался Белка и славился как меткий стрелок; этот привык к осторожности, старался производить как можно меньше шума даже на поляне логова, где было безопасно, и это, конечно, полезная привычка.

Замыкал цепь Ярый – вожак стаи, хранитель самого духа вилькаев. Он носил звание Князь Белый Волк, знаком чего служила белая волчья шкура у него на плечах и такая же личина. Полуседые пряди его волос и длинных усов смешивались с ворсом волчьей шкуры, так что трудно было их различить: за долгую жизнь волчья шкура почти приросла к нему и стала как родная.

Еще в стае имелся некий Ворона, но тот еще с детства нахватался каких-то мелких духов, из-за чего и оказался в конце концов в лесу. Почти постоянно он то разговаривал шепотом сам с собой, то пел вполголоса какую-то бессвязную околесицу. В прежние годы Ярый нередко его бил, чтобы заткнулся хотя бы во время лова, но потом махнул рукой и стал оставлять в избе «на хозяйстве».

К рассвету вилькаи были на месте: на берегу Березины, где торговые гости после волока вновь спускали лодьи на воду. Отсюда путь лежал вниз по Березине до Днепра, а по нему – вверх до Свинческа. Волок заканчивался на большой поляне, обрамленной кустами. Сейчас они были еще не в полной листве, но если залечь в гущу, накрыться темными свитами и присыпать их листьями, то на взгляд с открытого места, более ярко освещенного, можно стать невидимым.

Покончив с приготовлениями, вилькаи залегли и стали ждать. Одновременно пользовались временем передохнуть. Под рукой держали луки…

* * *

Биргир и Альдин-Ингвар решили не нанимать княжьих волоковщиков: в своей дружине хватало людей и для работы, и для охраны. На Рутавечи, где кончался прямой водный путь от Всесвячи, они только наняли волокуши с лошадьми, а перевозили груз своими силами. Перетаскивать лодьи тоже предстояло самим.

Было далеко за полдень, когда волокуши с грузом достигли конца волока. Это была большая поляна истоптанной голой земли: место использовалось торговцами уже лет сто. По краям ее виднелась сплошная цепь старых кострищ, рядом лежали бревна, валялся разный мусор, обычный там, где проходит множество людей: щепки, черепки от посуды, ислевшие тряпки, кости, рыбьи головы и чешуя, изорванные черевьи. Хороший лес был давно сведен на дрова, по краям толпился кустарник, ни к чему не годный, кроме как дать немного тени. В жаркие летние дни это было ценно, и те, у кого имелось немного совести, его берегли.

За кустарником начинался болотистый лес.

Добравшись наконец до Березины, люди с облегчением вздохнули: подошли к воде, умылись. Солнце припекало почти по-летнему.

– Я останусь или ты? – спросил Биргир у Альдин-Ингвара, после умывания стирая воду с лица рукавом.

– Отдохни пока. Я схожу сейчас, потом пообедаем, потом ты сходишь.

Им предстояло еще не менее двух раз пройти волок туда и обратно, чтобы перетащить все свои лодьи. Как более молодой, Альдин-Ингвар предпочел дать знатному свею возможность передохнуть.

Они не могли знать, что вопрос «я или ты?» для них сейчас означал гораздо больше, чем они думали: кто останется в живых, а кто уйдет в темные подземные селения…

Биргир благодарно кивнул. Альдин-Ингвар с дружиной направился назад вдоль выложенных бревен, по которым двигались катки. На поляне осталось человек пятнадцать, считая самого Биргира.

Впервые попавший сюда, свейский ярл огляделся. Весь груз – разные дорожные припасы, снаряжение лодий, пожитки хирдманов, товар – был свален как можно ближе к реке беспорядочной кучей. Тут же лежали шлемы, щиты и прочее вооружение. Пожалуй, стоит выставить дозор, пока не вернулась основная часть дружины. Здесь уже были владения Сверкера, родственника свейских конунгов, и Биргир не ждал к себе враждебного отношения. К тому же сквозь кустарник, еще не вполне одетый листвой, нельзя было приблизиться незаметно. Но привычка к осторожности была при нем, и он обернулся – отдать приказ хирдманам снарядиться и выставить дозоры по краям поляны.

Биргир успел только открыть рот – в тот же миг две стрелы вонзились ему в шею и в незащищенную грудь. Стреляли Белка и Лютояр – чтобы уж точно сразу убрать вожака и оставить прочих без руководства. Одновременно упали еще человек семь – каждый тоже получил стрелу от кого-то из вилькаев. Раздалось два-три вопля: кто-то был лишь ранен, но большинство упавших, включая ярла, не подавали признаков жизни.

Оставшиеся хирдманы кинулись к сваленным вещам, хватая чьи попало щиты, и живо выстроились стеной, прикрываясь с той стороны, откуда летели стрелы.

И тут у них на глазах земля в зарослях вспучилась и выплюнула целую стаю каких-то дикого вида существ: в звериных шкурах, со звериными мордами вместо лиц. Через кусты напролом, с диким воем они ринулись на свеев. Звериное воинство не имело щитов, зато было вооружено топорами и копьями.

В мгновение ока они оказались на поляне и набросились на свеев: часть напала на строй, заставив потесниться, а часть принялась шустро рыться в сложенном грузе: переворачивать мешки и короба, потрошить тюки.

Поначалу свеи отступили, потрясенные и внезапностью нападения, и диким видом многочисленных врагов. А главное, мгновенной гибелью Биргира ярла. Некому было отдавать приказы, и все помнили только об одной, важнейшей задаче: выжить. Свеев осталось чуть не втрое меньше, чем лесных троллей, и они лишь оборонялись. К тому же тролли, не имея щитов, старались не подходить близко: наносили копьями удар куда попало и отскакивали. При этом они выли, ревели, орали, дико носились туда-сюда, чем еще увеличивали впечатление, будто их тут целая сотня. Ошарашенные хирдманы едва успевали вертеть головами, готовясь отразить удар то с одной стороны, то с другой. И не сразу сообразили, что по-настоящему драться с ними тут никто не собирается.

Хирдманам было не до того, чтобы следить за троллями, потрошившими тюки. За диким шумом они не расслышали, как кто-то крикнул по-славянски: «Нашел!». Поэтому не поняли, почему тролли вдруг отхлынули и бросились обратно в заросли – так же внезапно, как и выскочили оттуда. Двое тащили что-то, довольно большое и тяжелое.

Видя, что противник отступает, свеи в первые мгновения устремились вдогонку. Последним отходил коренастый тролль в белой волчьей шкуре и с какой же личиной, скалящей острые зубы. С диким ревом он отбивал топором направленные к нему удары – гораздо более умело и уверенно, чем его подручные.

Возле самых кустов он повернулся, намереваясь исчезнуть среди ветвей.

И в этот последний миг в спину ему ударила сулица: кто-то из свеев успел подхватить ее с травы и метнуть вслед убегающему.

Белый волк упал мордой вниз. Двое других оглянулись на бегу, заметили это и вернулись. Один вырвал сулицу из раны и яростно метнул ее назад, с блестящей свежей кровью на острие. Второй подхватил раненого, вскинул себе на спину и побежал в лес почти так же быстро, как до того.

Свеи, видя, что одержали победу, ринулись было следом, но тут же услышали знакомые грозные щелчки: рядом ударили по листьям три-четыре стрелы, закричали двое раненых. Прячась за щитами, свеи поспешно вернулись на поляну.

И все стихло. Исчезли тролли, растворились в лесу, будто их не бывало. На голой земле у реки остался разворошенный груз, восемь мертвых тел…

И в том числе тело Биргира ярла. Когда хирдманы его подняли, то стало ясно, что перевязок тут не требуется: первым же выстрелом из кустов он был убит на месте.

* * *

Чуть опомнившись, уцелевшие свеи послали гонца вслед за Альдин-Ингваром, и тот с дружиной вернулся с полдороги. Изумленный, побледневший, осмотрел он тело Биргира, стрелы – явно местного изготовления, – и разворошенный чужими руками груз.

– Клинки! – воскликнул он. – Где второй тюк?

Уцелевшие хирдманы только переглядывались. Альдин-Ингвар приказал пересмотреть весь груз, но сам не надеялся на успех: он помнил, где положили оба тюка, и теперь на месте был лишь один. Хирдманы видели, как тролли утаскивали в лес что-то тяжелое, но в тот миг не сообразили, что это может быть. Альдин-Ингвар лишь качал головой: он не мог упрекнуть людей в том, что они, оставшись без вождя, заботились о спасении своей жизни, а не чужого богатства.

Тем не менее приказал обыскать все окрестности. Надев кольчуги и шлемы, прикрываясь щитами, хирдманы разошлись по округе. Шагах в ста ниже по течению нашли поломанные камыши и следы на песке: по всему выходило, что здесь у разбойников были спрятаны челноки. Дальше было ясно лишь одно: грабители с добычей ушли вниз по течению.

Но преследовать их Альдин-Ингвар не имел возможности: его лодьи все еще оставались на том конце волока. Он только и мог, что разделить дружину на две части, приказать всем не снимать снаряжения и выставить дозоры на поляне возле оставшегося груза и на всем пути вдоль волока. Все это должно было изрядно замедлить прохождение. Но Альдин-Ингвар не спешил в Валгаллу вслед за Биргиром.

Хорошие же дела творятся здесь у Сверкера, если разбойники нападают на такие многочисленные, хорошо вооруженные дружины в паре переходов от княжеского городца! В эти мгновения мысль породниться со смолянским князем не казалась Альдин-Ингвару такой уж удачной.

* * *

По Березине вилькаи плыли недолго: только чтобы сбить со следа. Впереди на берегу лежала весь Стожаровичей, где им никак не стоило показываться. Именно там были украдены ночью челны, в которых вилькаи бежали с места нападения. Теперь эти челны вытащили на берег, заволокли в овраг и спешно забросали ветками. Найдут их не сразу, а значит, налетчиков еще довольно долго будут искать вниз по Березине.

На деле же их дальнейший путь лежал совсем в другую сторону и по другому берегу реки – напрямик через глухой лес, в сторону Каспли, близ которой находилось «логово». Кроме тюка с добычей, по двое, часто сменяясь, чтобы не терять скорости, несли тело Ярого. Лютояр лишь бегло проверил, точно ли тот убит и не надо ли перевязывать; ему запомнилось, что не надо, но смерть вожака пока еще не уложилась в его сознании.

Кроме Ярого, никто в стае не был даже ранен: невероятная удача! Ярый еще перед выходом тайком приказал Лютояру и Равдану: если будет раненый, которого не получится вытащить, придется постараться добить. Чтобы не попал в руки Сверкеровых людей и не был допро-

шен. Сейчас мысли рвались сразу в две противоположных стороны: добыча – и Ярый. Одна мысль несла ликование, другая – ужас, но в итоге Лютояр вовсе ничего не соображал, его лишь трясло от возбуждения.

На берегу ручья Равдан схватил его за плечо и выдохнул:

– Стой!

Они сдвинули личины на затылок и переглянулись. Все было ясно без слов: отроки, составлявшие их дружину, выбивались из сил. Бессонная ночь в пути, первое в жизни настоящее сражение, бегство – все это было слишком для подростков, из которых восемнадцатилетний Равдан был старшим.

От части груза надо было избавиться. У обоих одновременно мелькнула мысль о выборе: тюк с варяжскими сокровищами или тело Ярого. И оба одновременно приняли одно и то же решение.

Не сговариваясь, Равдан и Лютояр подхватили тюк и потащили в лес. Нашли впадину между елками, затолкали туда, засыпали листьями, торопливо набросали сверху хвои и шишек, чтобы этот участок земли ничем не отличался от прочих. Бегло огляделись, запоминая место, и побежали назад. Они так и не узнали, ради чего совершали этот налет, рисковали собой и товарищами, потеряли вожака…

Дальше им предстояло нести только тело. Лютояр и Равдан еще не думали об этом, но в глубине сердца оба осознали: теперь они тут старшие и отвечают за выживание стаи.

* * *

Только глухой ночью вилькаи добрались до своего логова – двух вросших в землю избушек на краю большого оврага в глухом лесу. Здесь они положили на листву тело Ярого и наконец перевели дух. Лютояр велел разложить костер на обычном месте, между двух избушек, где коротали время по вечерам. Усевшись на бревнах у огня, отроки устало опустили руки и посмотрели друг на друга. Возбуждение первой битвы давно схлынуло, осталась лишь смертельная усталость. И все же многие улыбались: это была победа, успех, какого многим не достичь и за пятьдесят лет жизни. Они схватились с настоящими варяжскими хирдманами, опытными зрелыми воинами, которые обучались искусству владеть оружием всю жизнь. И они, чумазые отроки в звериных шкурах, победили! А что напали из засады и превосходящим числом – так надо было как-то возместить недостаток сил и уменья.

– Вот что, братья! – заговорил Лютояр. – Мы все молодцы, каких свет не видывал. Но за такие дела… Князь сильно осерчает и будет землю рыть. Поэтому вот что: брысь все по домам.

Вилькаи недовольно загудели. Еще третьего дня многие с нетерпением ждали дня Велес Затвори-Пасть: соскучившись за зиму, мечтали о возвращении в родные веси, в семьи, к мамкам и батькам, а кто и к невестам. Но сейчас, после налета, им гораздо приятнее было находиться здесь, в лесу, среди побратимов, товарищей и свидетелей их удали.

– Князь будет искать виноватых! – вразумлял Лютояр. – Отправит людей по весям. И вот надо, чтобы вы все к тому дню уже были дома! Спросит у отцов: чьи сыновья в вилькаях были этой зимой? Что видели? Отцы скажут: наши все дома, чурами клянемся! Вон они, считай по головам. Вас самих-то едва ли спросят…

– А спросят, делай глупое лицо и говори: ничего не знаю! – подхватил Равдан и для примера сделал это самое глупое лицо.

Отроки засмеялись.

– А как же… – Хорек, невысокий шестнадцатилетний парень, славившийся умением очень точно метать в цель ножи, кивнул на тело Ярого. – Проводить же надо вожака.

Тело лежало поодаль от костра, чуть за гранью тьмы, и лишь иногда отсвет пламени будто набрасывал на него прозрачное золотисто-багряное одеяло. Равдан и Лютояр уложили его на

спину и выпрямили руки; глаза вовремя не успели закрыть, и теперь на веки пришлось положить по камешку.

Двое старших переглянулись.

– Мы с Радохой проводим, – сказал Лютояр. – Ведьму-рагану позовем, она все устроит как следует. Как полагается.

На лицах читалось осуждение, и Лютояр добавил:

– Поймите, братья, если нас в этом деле заподозрят, никому головы не сносить. И мы пропадем, и родичам еще достанется.

– А как же ты? – Рысь посмотрел на Равдана.

– Я, если будет большой шум, домой не вернусь.

Эта мысль на миг принесла Равдану облегчение. Он всякий год подумывал остаться в лесу навсегда и не разлучаться с Лютояром. Но именно Лютояр почему-то был против и убеждал, что кому-кому, но Равдану обязательно следует сохранять связь с родом. Только не объяснял почему.

– Так что сейчас всем спать, а завтра подниму до зари – и по домам, – закончил Лютояр.

Все послушно встали. Лесная жизнь полна превратностей, и Ярый заранее всем объявил, что случись ему погибнуть внезапно, его преемником станет Лютояр. Так что никаких споров о главенстве не ожидалось.

– А что же там было-то? – уже уходя, обернулся Горностай. – Ну, в поклаже этой?

– Я трогал – длинное что-то и твердое! – вспомнил Зубец.

– Слитки серебра! – вытаращив глаза, предположил Швейка.

Лютояр и Равдан переглянулись. Они тоже не знали, что было в тюке.

– Отцы ведь спросят! – напомнил Равдан. – Подавай, скажут, нашу долю!

При упоминании «доли» лица вновь переменились. В сказаниях незапамятной древности удалые молодцы всегда привозили из набегов полну коробушку всякого добра: серебро-золото, каменьев самоцветных, белых паволок, черных куниц, красных девиц. И всякому уже мерещилось, как он бы принес и выложил перед старшими родичами… гривну серебра! И неважно, что никто тут не знал, как ей, этой гривне, полагается выглядеть и вообще это сколько.

Лютояр стиснул зубы, отчего его худощавое продолговатое лицо приобрело чеканное и суровое выражение. Если это, – то, что лежит под слоем листев на берегу Березины, – и можно поделить и раздать, то тут уж непременно по весям и гнездам поползут слухи. Стоит одной бабе увидеть эти «слитки серебра» и проболтаться, вскоре об этом будут знать в Свинческе. И тогда… Лютояр красноречиво провел пальцем под подбородком, намекая на неизбежный исход.

– Вот что! – наконец решил он под взглядом восемнадцати пар глаз. – Если сейчас поделим, то князь уже завтра будет обо всем знать. А сделаем мы вот что: выждем, пока шум уляжется. И на Корочун, когда будем обходить гнезда, каждому в дом его долю принесем. Дальше пусть отцы распоряжаются.

На лицах отразилось разочарование, но Равдан махнул рукой, отсылая парней, и те разошлись.

Равдан и Лютояр снова сели огню, но молчали. В логове негде было хранить тело Ярого, и оставалось лишь сторожить его по очереди от зверей до самого погребения. Только теперь, когда схлынуло возбуждение налета и бегства, они осознали случившееся. Старый вожак покинул стаю, и это насовсем. Даже Равдан видел в нем своего второго, «зимнего» отца, под началом которого проводил половину своей жизни вот уже шесть лет. Что же касается Лютояра, то для него Ярый с семи лет был единственным отцом, и именно ему Лютояр и его мать были обязаны тем, что вообще сумели выжить.

Догадываясь, что сейчас на сердце у товарища, Равдан иногда украдкой поглядывал на него. Лицо Лютояра было неподвижно, а мысли, судя по глазам, были где-то очень далеко. Будто искали след ушедшего вождя на невидимых тропах в Навь…

* * *

Ведома не удивилась, на следующее утро после своей встречи с Ведьмой-раганой узнав, что княгиня еще спозаранок ушла в лес. Та порой ходила за травами, но обычно брала с собой дочерей. Не подав вида, будто заметила нечто необычное, Ведома тем не менее была уверена: мать отправилась искать Ведьму-рагану.

Ее догадки подтвердились, когда Гостислава воротилась под вечер, явно усталая, пахнущая лесом, с промокшими ногами и пустой корзиной: лишь немного лесного сора на дне. Но никто не задал ей вопросов. Исподтишка наблюдая, Ведома видела, что мать очень взволнована своей прогулкой, хоть и пытается это скрыть. Какую бы цель она ни ставила себе, сходила определенно не попусту.

Но еще через несколько дней все эти раздумья забылись. Однажды под вечер в Свинческ прибыл обоз с ужасной вестью: на Рутавецком волоке его ограбили и при налете был убит посол к Сверкеру от свейских конунгов!

Когда прибежали с пристани, Ведома устремилась туда вместе с челядью и дружиной. Среди груза было семь-восемь мертвых тел: завернутые в плащи, они уже не напоминали даже бывших людей.

Еще выгружали раненых. Распоряжался всем рослый молодой мужчина со светлыми волосами и такой же бородкой.

– Сколько у вас раненых? – спросила у него Ведома. – Тяжелые есть?

– Пятеро. – Он остановил на ней взгляд, но явно не понял, кто она такая. – У вас есть хорошие лекари?

– Лучше моей бабки еще не бывало! – с гордостью заверила она. – Пусть несут за мной!

Махнула рукой в сторону городца и пошла, показывая дорогу к гостевому дому.

К удивлению дочери, Гостислава тоже вышла во двор, бросив свою пряжу, и приняла участие в хлопотах: распоряжалась, кого куда нести, что из еды готовить. Поскольку погибший посол ехал к самому Сверкеру от родичей, то и принимать его людей приходилось на княжьем дворе.

Не сразу решили, куда нести знатного покойника, но Грим, старший княжий воевода, велел положить в бане для дружины и челяди: все равно нужно обмывать. Сюда же пока занесли раненых свеев.

Когда обмывали раны, Ведому отыскал Асгейр, Сверкеров хирдман:

– Конунг требует, чтобы пришла хоть одна хозяйка. У него сидит сам ладожский ярл, а его некому угощать!

Ведома оглянулась на бабку Рагнору: та склонилась над каким-то стонущим свеем. Неудачливое посольство ехало от места битвы три дня, иные раны пострадавших загноились, двое приехали с лихорадкой, один – в беспамятстве. Старуха здесь была полезнее, как несравненно более опытная лекарка. А подать пироги и пиво Хакону ярлу справится и девушка. Ведома бросила тряпку, которой вытирала руки, и побежала переодеваться.

Князь принимал гостей в гриднице – длинной избе, где жила его младшая дружина и здесь же устраивались пиры. Ведома не робела перед чужими людьми: ей нередко приходилось приветствовать отцовых гостей и выполнять обязанности хозяйки. Вот уже пятый год, с тех пор как ей исполнилось двенадцать и она впервые надела одежду взрослой девушки.

Когда Ведома вошла во главе трех служанок, на ней было белое варяжское платье из тонкой шерсти с синей вышивкой, синий хенгерок с крупными застежками на плечах, а между

ними висела нить синих стеклянных и граненых хрустальных бус с многочисленными серебряными привесками. Голову ее украшал, как было принято в здешних местах, венец из бронзовых свитеней и пластин с подвесками на длинных цепочках. За ней Нежанка и еще две челядинки несли черный фризский кувшин, серебряные кубки греческой работы, расписные хвалынские блюда.

Здесь же обнаружился Воротило – старейшина Стожаровичей, которым принадлежала первая весь на Березине после Рутавецкого волока. В былые веки Стожаровичи не раз ходили ратью на Иногостичей, жителей верховий Рутавечи, деля с ними право обслуживать волок и взимать за это плату. Потом пришел варяг Сверкер и «примирил» их, забрав волок себе.

Перед хозяйским место прямо на столе лежал большой тюк, обернутый промасленной кожей и плотно обвязанный веревками. При появлении Ведомы разговор замер, все гости уставились на нее. Она хотела поприветствовать их, но запнулась от неожиданности: ей навстречу поднялся тот рослый мужчина с пристани, еще в той же простой и помятой дорожной одежде.

Ведома быстро окинула взглядом людей на скамьях. Где же Хакон? Ведь говорили, что он приехал.

Отец молча сделал ей знак поставить угощение на стол. Она повиновалась, бросая вопросительные взгляды то на него, то на гостя. Это точно не Хакон: того она видела несколько лет назад, и он был весьма стар. А этот, пожалуй, был старше нее не более чем лет на пять. Почему же ей сказали про ладожского ярла? Однако молодой гость сидит именно на том почетном месте, куда Сверкер посадил бы ладожского ярла, и отец почтителен с ним, невзирая на неприглядную одежду.

Пока Ведома оставалась в гриднице, показывая служанкам, чего куда ставить, молодой гость то и дело бросал на нее потрясенные взгляды. По его открытому лицу было видно, что он очень хочет задать хозяину вопрос, но это было бы невежливо, и он молчал.

Нападение, смерть Биргира и ее следствия отвлекли Альдин-Ингвара, он и думать забыл о своем замысле поискать в Свинческе невесту. Когда в гридницу вошла нарядно одетая девушка с белыми руками и гордой осанкой, он даже не сразу осознал, что уже видел сегодня мельком это сосредоточенное лицо с тонкими чертами и чуть вздернутым носиком – сначала на пристани, потом в гостевом доме, когда заходил приглядеть, куда переносят, как устраивают и оказывают помощь раненым. Но там девушка была одета в обычную белую вздевалку, с косынкой на голове, с косой, заткнутой сзади за пояс, чтобы не падала под руки, и ему не пришло в голову, что здесь есть кто-то, кроме челяди.

Теперь же она появилась в ярких одеждах и дорогих уборах, и он понял, что напрасно не поклонился. Она не могла быть никем иным, кроме как дочерью Сверкера – той самой, которую он надеялся здесь найти.

И она, пожалуй, оправдывала такое долгое и опасное путешествие не только своим знатным происхождением. От вида ее лица у каждого становилось хорошо на душе, как перед целым полем белых нивяниц с золотым глазком, а строгое и решительное выражение этого юного лица вызывало желание улыбнуться.

– Продолжай, прошу тебя. – Голос Сверкера вернул гостя к разговору.

Блюда были расставлены, хозяин знаком отослал дочь. И она покорно удалилась, даже не оглянувшись.

Когда девушка уходила, Альдин-Ингвару потребовалась вся сила воли, чтобы не смотреть ей в спину, а сосредоточиться на лице хозяина. Сверкеру сыну Олава, пожалуй, немного не хватало до сорока годов; ростом и мощью сложения он не поражал, но твердый взгляд серых глаз показывал, что свое место он занимает в этой жизни не случайно. Он уже начал лысеть, поэтому лоб простирался на половину пути до затылка, зато оставшиеся чуть седоватые волосы красиво падали на плечи. Борода была опрятно подстрижена и подчеркивала жесткие очертания челюсти.

В обычное время Сверкер держался невозмутимо и снисходительно, хотя в этой снисходительности было больше презрения, чем доброты. Сейчас же он с трудом сдерживал негодование. В его землях, в двух-трех переходах от Свинческа, опять завелись разбойники! И такие наглые, что напали на обоз, возглавляемый двумя знатными людьми! Убит посланец от его, Сверкера, родича – конунга свеев! Пропал ценнейший груз! И все это произошло на глазах молодого ладожского ярла! Чем смолянский князь не угодил богам? По сравнению со всеми этими неприятностями то, что ладожанин увидел его дочь, которую пять лет от него прятали, было такой мелочью, что Сверкер не обратил внимания.

– Я немедленно прикажу готовить погребение Биргира ярла, – сквозь зубы процедил он. – И завтра же отправлю людей искать пропажу. И разбойников. Клянусь, Ингвар ярл, если… когда я их поймаю, я сдеру с них не только звериные, но и собственные их шкуры!

– Это не наши! – продолжал твердить Воротило. – Наши уж сколько лет не шалят! Вот чуры видят: это озерские! Нарочно на моей земле разбой затеяли, чтобы и мне, и тебе на кривое веретено напрясть! У них ищи твои клинки! С них спрашивай!

За эти три дня он уже нашел свои челны: их исчезновение обнаружили еще утром, а потом, когда к Стожаровичам приехал сам Альдин-Ингвар, они легко связали пропажу челнов с нападением. Но ничего об этом не сказали Альдин-Ингвару, понимая, что их обвинят в первую очередь. Уже после его отъезда вниз по реке Стожаровичи нашли в лесу свои челны, водворили на место и сделали вид, что у них ничего не пропадало.

– Кто бы это ни был, я их найду! – заверил Сверкер. – Я не допущу, чтобы на моих землях убивали торговых людей и тем более послов! На безопасности торговли держится весь Восточный путь. И если уж боги доверили мне такую важную его часть, я их не разочарую. Теперь, Ингвар ярл, прошу тебя отдохнуть. Вечером мы еще раз поговорим с людьми, и наше дело сдвинется с места.

* * *

Назавтра Сверкер пережил еще одну большую неожиданность. Несмотря на все неприятности, он был обязан дать пир его в честь такого гостя, как ладожский воевода. Перед наступлением вечера его жена, княгиня Гостислава, вышла из избы, одетая в цветное греческое платье и с украшениями. Впервые за двенадцать лет она сняла «печальную сряду»! Увидев это, Сверкер застыл столбом посреди двора, хотя обычно тщательно скрывал, если ему случалось удивляться.

– Тебе, батюшка, нынче хозяйка нужна, – сказала Гостислава, оправляя серебряные заушницы с подвесками, от которых совсем отвыкла. – Буду твоих гостей угощать.

– Хозяйка была мне нужна и все эти двенадцать лет, – пробормотал Сверкер. – Но… я рад.

Это было весьма кстати: перед лицом свалившихся бед было очень важно показать и приезжим, и своим, что хотя бы дома у него все хорошо и знатная жена готова его поддержать. Не так чтобы он поверил, будто в Гостиславе проснулось сострадание к мужу. Скорее решил, что ей просто надоело сидеть в темном углу, двенадцать лет в одном и том же убогом платье. Молодость прошла в темноте, там и жизнь пройдет!

Но проницательный Сверкер ошибся. От вечной печали Гостиславу пробудила встреча с Ведьмой-раганой и ее намеки насчет жениха для Ведомы. И теперь эти разбойники… И молодой ладожский воевода – тот, с кем Сверкер точно не хотел родниться, а тот взял и приехал. И уже повидался с Ведомой!

Гостислава не представляла ясно, что происходит и к чему может привести, но понимала: сидеть в углу больше нельзя. Оттуда слишком плохо видно. Судьба вспомнила о ее дочерях, и если она хочет уберечь их, то нужно быть в гуще жизни и знать, что творится. И вмешаться,

если потребуется. Поэтому княгиня наконец открыла укладки и вытащила помятые цветные наряды, переложенные горькой полынью. Велела Нориме отчистить почерневшие серебряные заушницы, браслеты и перстни. Разгладить шелковые убрусы, полученные еще в приданое. У смолянских кривичей есть княгиня!

Ведома, такая же нарядная, только в варяжском платье, встретила ее перед дверями и вскрикнула от неожиданности, не поняв сразу, что это за богато одетая женщина вдруг появилась у нее дома. Гостислава только усмехнулась. Теперь, если они все три, считая Рагнору, в цветном платье встанут у почетного стола на пиру, всякий увидит, что удачу Сверкера оберегают все три суденицы: дева, мать и старуха.

Но порадовать гостей этим долгожданным зрелищем не получилось: Ведому отец с пира отослал. Обрадованный, что жена опомнилась и принялась за обязанности хозяйки, он взял себя в руки и сообразил: дочери незачем красоваться перед молодым ладожским воеводой. А тот, уже переодетый в синюю рубаху и синий же кафтан, отделанный светлым узорным шелком, вымытый в бане и с расчесанными золотистыми волосами и темной бородкой, был так хорош, что это отметил даже Сверкер.

И гость постоянно поглядывал на дверь, будто ждал кого-то. Понятно кого! Сверкер уже проклинал вчерашний день, когда, отвлеченный свалившимися бедами, позволил дочери показаться Ингвару ладожскому на глаза. Пять лет он следил за тем, чтобы этого не случилось, и запрещал Ведоме выходить при ладожанах или киевлянах.

Как человек учтивый, Альдин-Ингвар привез подарки хозяину и его семье. К счастью, его поклажа при нападении не пострадала, и он выложил на скамью тонкое фризское сукно, узорную тканую тесьму с золотой и серебряной нитью, головное покрывало, вышитое золотом, ирландской работы красивый стаканчик из серебра. Старая Рагнора была довольна, даже Гостислава благосклонно кивнула – она еще не привыкла заново, что все это ей может пригодиться.

– А твоим дочерям ты не позволяешь принимать дары самим? – улыбнулся Альдин-Ингвар хозяину.

– Ты необычайно щедр! – улыбнулся тот в ответ. – Хотя многие бы на твоем месте приберегли такие дорогие вещи для собственных надобностей. Я ведь знаю, что ты обручен с внучкой Олава, моего родича. Наверное, она уже взрослая девушка, и ты намерен вскоре назначить свадьбу?

Этим он хотел напомнить гостю, что тому нет нужды пялить глаза на посторонних девушек. Само обручение Альдин-Ингвара не успокаивало Сверкера: это еще не свадьба. Имея одну жену королевского рода, ко второй такой же обычно не сватаются, но обручение – это всего лишь слова. Сын старого Хакона не похож на человека, который легко забывает обещания, но Ведома – красивая девушка, а от любви и не такие люди теряли голову.

Альдин-Ингвар переменился в лице. Подарки для Сверкеровых женщин он достал из ларей, где все эти года любовно собирал дары для будущей жены. Но он так привык связывать вид этих вещей с мыслями о Фрейлауг – той, какой он себе ее воображал, – что сейчас они лишь огорчали его, и хотелось порадовать ими кого-нибудь другого.

– Ты еще не знаешь, какое несчастье меня постигло, – мягко произнес он, давая понять, что не сердится на собеседника за это напоминание. – Моя свадьба должна была состояться этим летом. Я посылал за невестой, но мне привезли печальную весть: девушка. А другие дочери еще слишком малы, чтобы взрослый мужчина мог их дожидаться.

– Какое горе! – Сверкер покачал головой, и впрямь огорченный, что так некстати навел разговор именно на то, чего хотел избежать. – Какая неприятность! Это был бы такой замечательный брак. Ведь вы были обручены несколько лет назад?

– Семь лет. Это и впрямь очень сильно меня огорчило. И если бы… Биргир ярл добрался до твоего дома невредимым, он бы сам рассказал, какой совет мне передали Бьёрн конунг.

– Что за совет? – пришлось спросить Сверкеру.

– Поскольку у них в роду больше нет подходящих мне девушек, они передали, что были бы рады увидеть моей женой другую свою родственницу. И они имели в виду твою дочь. Если подумать, это был бы даже более удачный союз, поскольку связал бы родством и нас с тобой, и конунгов Свеаланда. К тому же мы с тобой если и не соседи, то живем на речной части Восточного пути и имеем общие выгоды. Не хотел бы ты подумать о такой возможности?

Альдин-Ингвар не требовал ответа прямо сейчас, отлично понимая, что такие дела быстро не решаются. А Сверкер изобразил на лице гораздо более сильную озадаченность, чем испытывал. Неожиданностью для него это сватовство не стало, но он ни за что бы в этом не признался, выигрывая время.

– Ведь твоя дочь не обручена? – добил его Альдин-Ингвар.

– Моя мать не желает, чтобы эту девушку слишком рано выдали замуж! Ей еще предстоит кое-чему научиться, чтобы унаследовать мудрость своей бабки.

– Ей рано обручаться! – поддержала своего сына Рагнора.

– Рано? – изумился гость. – Я видел ее: это совсем взрослая и очень толковая девушка.

– Так и есть, – согласилась Рагнора. – Моя внучка толковее многих из тех, кто ее на десять лет старше. Но как раз поэтому мы не торопимся сбыть ее с рук. Я должна обучить ее как можно полнее всему тому, что знаю сама. Мне известно, что до моей смерти ждать уже не так долго, и я должна спешить передать ей свои знания. Мы не выдадим ее замуж, пока она не обучится всему, что знаю я.

Альдин-Ингвар подумал, что для этого бедной девушке придется стать такой же старой и морщинистой, но промолчал. Вместо этого он пристально взглянул Сверкеру в глаза. То, что сказала старуха, следовало счесть решительным отказом. Но смолянский князь – все же Сверкер, а не его мать. И если все девушки сидели бы дома, пока не станут мудрее седых старух, то не удалось бы сыграть ни одной свадьбы.

– После того, что я здесь видел… – мягко, но уверенно заговорил Альдин-Ингвар, – никто не усомнится в том, как важно всем князьям Восточного пути быть заодно и не допускать разгула лихих людей. Каждый из нас оберегает безопасность торговых путей в своих землях, но если мы будет заедино, то выиграют все. От диких квеннов в оленьих шкурах до чернобородых сарацин в полосатых шелках. Если здесь, у нас, на Днепре и Волхове все спокойно, то и квенны смогут носить шелка, а сарацины – мех соболя. Ты понимаешь это не хуже меня. И раз уж судьба свела нас в такой печальный час, когда моя прежняя невеста умерла, а тебе пригодится помощь, это нужно понять как знак.

– Может быть, уважаемый гость оставит разбирать знаки богов тем, кто более к тому привычен? – ехидно осведомилась Рагнора.

Альдин-Ингвар посмотрел на нее. В отличие от внучки, с бабкой он был знаком давно: с тех пор как пятнадцатилетним отроком впервые ехал с Волхова на Днепр, чтобы принять участие в походе своего дяди, Ингвара киевского, на Греческое царство. Несмотря на возраст, Рагнора была еще по-своему хороша собой: каждый признал бы, что редко удается встретить такую красивую старуху. Совершенно седые волосы были убраны под покрывало с серебряной вышивкой, черты морщинистого лица сохраняли правильность, а пристальный взгляд светло-серых глаз был, казалось, вечно устремлен на нечто далекое и очень важное. Альдин-Ингвар мельком отметил, что, при внешнем сходстве с матерью, эти глаза и взгляд дочь Сверкера, похоже, унаследовала от бабки. Вид у Рагноры был уверенный, величественный, властный – и не зная ее, сразу поймешь, что перед тобой женщина королевского рода.

«Моя мать – дочь Харальда Прекрасноволосого, самого могущественного из конунгов Северного пути!» – сказал ему Сверкер еще в ту давнюю их первую встречу. «У меня было девять сестер, но в живых осталась я одна, – добавила Рагнора. – И тебе, быть может, известно,

что все потомки Харальда конунга по мужской ветви носят звание конунгов, а по женской – ярлов».

Что ни говори, у Рагноры были причины гордиться своим родом. И ее внучка не из тех, кого можно отдать кому попало. И все же почему Сверкер и его мать столько лет прятали от него такое сокровище?

– И будьте уверены, я сумею оценить и знатность такой жены, и ее мудрость. – Альдин-Ингвар издалека поклонился старухе.

– Я… – Сверкер подавлял досаду, желая сказать, что без посторонней помощи справится со своими делами, но именно сейчас это прозвучало бы пустым бахвальством. – Как долго ты еще намерен здесь пробыть? Отсюда ты вернешься домой или поедешь дальше?

– Я намеревался доехать до Киева и посоветоваться об этом деле с моим родичем, киевским князем Ингваром. Думаю, он одобрит такое родство.

Альдин-Ингвар говорил спокойно и учтиво, но этот намек можно было расценить как угрозу в случае отказа – и именно так Сверкер его понял. Стараясь не подать вида, Сверкер был близко к желанию проклясть тот час, когда Гостислава родила дочь вместо сына и тем одарила его будущими соперниками вместо наследника.

– Это отличная мысль! – едва не скрипя зубами, с насильственной веселостью воскликнул он. – Тебе непременно следует посоветоваться с Ингваром. Все же он старший твой родич, и теперь, когда твоего отца уже нет… Подождем, что он скажет. И когда ты поедешь назад, мы окончательно решим это дело!

Этим Альдин-Ингвар и удовлетворился. Как человек благоразумный, он понимал, что иного не приходилось ждать: люди его рода и положения не женятся впопыхах. И если ему удастся найти замену умершей невесте ранее, чем минует год, то он сможет считать себя очень удачливым человеком!

* * *

Для свадеб пока было не время, гостям и хозяевам приходилось готовиться к иному торжеству. Биргир ярл был не первым и не последним уроженцем Северных стран, которому предстояло найти посмертный дом на Восточном пути. Уже прошло три дня после его смерти, затягивать с погребением не стоило, и назавтра же Сверкер приказал готовить могилу. Покойника привезли в дорожной одежде, но теперь раздели, обмыли, и Рагнора сама отобрала среди его вещей наилучшие: сорочку из белого льна, рубаху из тонкой зеленой шерсти, кафтан с бронзовыми пуговицами, воротничком из куньего меха и золотной тесьмой на груди.

Такие же могилы для богатых и знатных королевских людей сооружались и в других похожих местах: в виках на Бьёрко или в Хейтабю в Ютландии. Рагнора присмотрела подходящее место – среди могил людей из Свеаланда, умерших здесь в последние полвека. Велела разметить и выкопать просторную прямоугольную яму: пять-шесть шагов в длину и ширину. По углам вбили столбы, между ними выложили стены из горбыля. Толстыми досками покрыли пол. Вдоль стен расставили ларь, в который уложили треть добра, взятого Биргиром в поездку, поставили скамью, покрытую шкурами. В самой середине установили особое сиденье со спинкой, ожидающее покойника. Альдин-Ингвар предложил купить рабыню и подарить Биргиру, но Сверкер, как более близкий покойному человек, счел такой расход излишним. Если оставшиеся в Свеаланде родичи сочтут нужным, потом отправят рабыню следом сами.

Подготовка заняла не один день. Покойник в это время лежал в холодном погребе, обложенный полынью и иными травами, отгоняющими нечисть, а ему готовили прощальный пир.

Князь и его люди были в это время заняты другим делом: поиском разбойников и пропажи. На другой же день после приезда Альдин-Ингвара Сверкер разослал гридей по лесам вдоль волока, опрашивал жителей ближайших весей, но никто ничего не знал. Или не сознался.

Понимая, кто его сильнее всех не любит, князь приказал обыскать веси Озеричей, Стожаровичей и Иногостичей. Грабители унесли только тюк с рейнскими клинками, а подобная дорогая и приметная вещь не могла бы попасть к кривичам никаким другим образом!

Поиски продолжались не один день, но проку не было. Ни одного клинка, вообще ни одного меча найти в весях не удалось. К тому же смоляне, узнав о цели поисков, так искренне удивлялись, что даже воевода Грим поверил: они никаких рейнских клинков в глаза не видели.

По рассказу уцелевших хирдманов Биргира Сверкер понял, что нападали, скорее всего, вилькаи. Но к тому времени как его люди отправились на поиски, все отроки, отправляемые в лес, уже были дома. И родичи клялись, разумеется, что дома они давным-давно.

– Мало ли кто в шкуры станет рядиться! – с возмущением говорил Краян, старейшина Озеричей. – На Корочун все подряд в шкурах, любой мог надеть! А мы теперь за всякого лиходея отечай! Нам и так лиха досталось…

Сами хирдманы, видевшие нападавших, склонялись скорее к тому, что это были взрослые, зрелые мужчины. Но они не видели ни одного лица и никого не брались опознавать. А возможных виновников в округе было слишком много, чтобы даже Сверкер решился выдвигать обвинения и звать на божий суд.

И раз уж никто из смертных не мог помочь в поисках злодеев, и оставалось спросить у духов. А на этот счет не было лучшей умелицы, чем старая Рагнора.

– Сегодня вечером ты мне понадобишься, – как-то в эти дни сказала Рагнора Ведоме. – Будешь петь. Твой отец хочет, чтобы я спросила духов о тех разбойниках… и еще кое о чем. Пойдем на курганы, как стемнеет.

Ведома лишь кивнула. Бабка давно обучила ее песне, призывающей духов, и она уже не раз помогала в этом деле, но при воспоминании пробирала дрожь.

Сколько Ведома помнила, бабка всегда ходила говорить с духами на одно и то же место – Хрингов курган. Там был похоронен сожженный в ладье Хринг ярл, предшественник Олава и Сверкера. Хринг благополучно прожил здесь более десяти лет, но, став слишком дряхлым для сражений, послал на Бьёрко поискать себе замену. Рагнора приходилась Хрингу родственницей по матери, поэтому до нее весть дошла довольно быстро, и они с Олавом увидели в этом подходящий случай раздобыть славу и добычу. Они незамедлительно пустились в путь – ближайшей же весной, со всем имуществом, состоящим из

доспехов, мечей,
скота и приплода,
сокровищ казны,
жерновов скрипящих,
рабов и рабынь
с их ребятами вместе[6].

А главное, с дружиной из пятидесяти копий и годовалым сыном Сверкером. Но Хринг их не дождался: умер в конце зимы. Возможно, поэтому смолянские старейшины во главе с тогдашним князем Станиславом сразу приняли нового вождя, не желая оставить торжище без защиты. И на воеводу Олава у них не было причин жаловаться.

Благодаря родству со старым Хрингом можно было считать, что Сверкер принадлежит уже к третьему поколению здешних властителей – на чем он тоже впоследствии, наряду с женитьбой на Гостиславе, обосновал свои права. Хринга считали покровителем рода и неизменно приносили жертвы на его могиле в положенными для поминания дни. За него Сверкер поднимал первый рог «за предков» на йоль и во время осеннего пира. И когда Рагноре

[6] «Старшая Эдда», Песнь о Хлёде, пер. А. Корсуна. (*Прим. авт.*)

в ее таинственных делах требовалось покровительство иномирных сил, она тоже обращалась к нему.

Для встреч с покровителем рода Рагнора всегда наряжалась в лучшие одежды, будто на пир, и от Ведомы требовала того же. Ведома не бывала в Бьёрко, но Рагнора следила, чтобы внучка «не посрамила свой род» и приказывала шить ей варяжское платье с шелковой отделкой на всю грудь. Приезжающих знатных гостей она всегда расспрашивала, как были одеты королевы и иные виденные ими выдающиеся женщины Северных стран, и на пиру женщины из семьи Сверкера выглядели не хуже, чем жены и дочери свейских и датских конунгов. Вот и сейчас на Рагноре было синее платье, темно-красный хенгерок и ради вечерней прохлады коричневый кафтан с отделкой рыжим шелком и куньим мехом. Между золоченых застежек блестели стеклянные бусы в три ряда, на голове посверкивало золотое шитье покрывала. Ведома снова оделась в белую шерсть с синей вышивкой, в которой встречала Альдин-Ингвара, и тоже надела кафтан – зеленый.

– Опять бабка собралась мертвецов тревожить? – спросила ее мать.

– Хочет вызнать… про лихих людей.

– Не страшно тебе?

– Да бабка… – Ведома оглянулась, – сама всех мертвецов распугает.

– Уж это точно, – сдержанно обронила Гостислава.

С юности она опасалась свою свекровь, потом стала не шутя бояться, а потом возненавидела. Ибо в той вражде, что погубила ее род, была немалая заслуга Рагноры. Поначалу князь Ведомил отказался выдавать свою дочь за Сверкера, и Рагнора не раз при свидетелях приговаривала: «Посмотрим, сумеет ли он найти других женихов» или «Едва ли сватовство к этой девушке принесет людям счастье». И когда сперва один, потом другой избранный князем жених внезапно погибли – второй прямо во время поездки за невестой! – Рагнора лишь усмехалась с таким видом, дескать, чего и было ожидать. В конце концов, уже после женитьбы Сверкера, разгневанные жители округи однажды попытались напасть на Свинческ, чтобы расправиться с ведьмой, но были встречены плотным строем дружины; в побоище вмешался князь…

– Зайди ко мне, как воротишься, – наконец решилась Гостислава. – Расскажу тебе кое-что важное.

Когда Рагнора и ее внучка сумерках отправились в путь, их провожали трое челядинов; один нес черного петуха в мешке. Позади шла Белча с небольшим сиденьем на трех ножках. Они вышли на жальник, миновали уже готовую могилу для Биргира, и мимо сотен больших и малых насыпей добрались до Хрингова кургана…

Когда почти сорок лет назад тогда еще юная королева Рагнора прибыла сюда впервые, кургана еще не было – лишь широкая проплешина перекопанной и утоптанной земли, поверх которой чернело широкое пятно кострища. Как вождя, Хринга отправили к предкам в ладье с рабыней и добром, с черной собакой и черным петухом. Корабль в дружине – один на всех, и уйти на нем имеет право лишь тот, кто его водил. Олав и Рагнора жалели, что не застали Хринга в живых, но позаботились о том, чтобы над его могилой был возведен высокий курган. На это ушло немало времени, но дело того стоило. Дух Хринга был благодарен незнакомым родичам за такую честь, и когда Рагноре требовалась помощь и совет, всегда откликался.

При жизни Ведомы Хрингов курган был уже так высок, как сейчас. Поэтому и сам старый вождь, умерший лет за двадцать пять до ее рождения, представлялся ей одним из тех волотов, на костях которых стоит мир. Но думать о нем было странно: ведь Хринг родился так далеко отсюда, но прахом своим укрепил силу этой земли. И таких – представителей разноязыкого племени «русь», здесь было немало. Целые дружины. Каждый из обычных людей где родился, там и пригодился, но эти почему-то хотели «пригодиться» очень далеко от родных мест. Что гнало их сюда: нужда, жажда наживы и славы, чужая воля? Просто неуемное любопытство и

желание найти край земли, предел собственных сил и возможностей? Хринг был из таких. И ее дед с бабкой, Олав и Рагнора, – тоже.

– А почему? – вдруг спросила Ведома у Рагноры, которая у подножию кургана остановилась передохнуть. Челядины уже отошли, поставив трехногое сиденье и положив корзину с петухом в мешке. – Почему вы с дедом Олавом решили приехать жить сюда, на Днепр, к смолянам?

Рагнора посмотрела на нее – пристально и с неким насмешливым одобрением.

– Вот как! Этот вопрос наконец пришел тебе в голову! Не «зачем», а «почему»! На вопрос «зачем» многие отвечают «за богатством, властью и славой», и они правы. Но вопрос «почему» куда важнее. Пятьсот лет назад мои предки научились строить корабли, которые могли поднять население целой усадьбы – мужчин, женщин, детей и скотину. И с тех пор они все время ищут новые места, где можно эту усадьбу возвести. А мы – потомки богов. Через род Будлингов мы происходим от турса Форниота, а через Скъёльдунгов – от Одина. Но называть себя потомком богов имеет право лишь тот, кто всеми силами стремится сделать в жизни так же много, как они. Всегда ищет способ совершить подвиг, потеснить йотунов, раздвинуть границы мира людей. Тот, кто лишь сидит на славе своих предков, болтая праздными ногами, будто невеста на ларе с приданым, – будет забыт. Истинные потомки богов всегда идут вслед за ними, чтобы оставить своим внукам мир больше того, чем сами унаследовали. Мой дед Хальвдан Черный подчинил себе десяток конунгов Северного Пути, а мой отец Харальд пошел еще дальше – он остался в нем единственным конунгом! А среди наших более далеких предков были и такие, что владели всеми известными им землями – даже и здесь, в Гардах. Я с юности стремилась к тому, чтобы не посрамить их, и Олав был таков. Потому я и избрала его своим супругом и отцом для моих детей. И мы пошли еще дальше. Мы могли попытаться завоевать побольше земель в Северных странах, но мы поступили иначе. Мы сразу шагнули через море и сделали известный мир гораздо шире. Приехали сюда и сорок лет делали так, чтобы и другие люди могли ездить от квеннов до сарацин. И когда тело моего сына, вслед за моим мужем, сожгут в ладье с мечом и топором у правой руки, ему будет не стыдно взглянуть в единственный глаз Отца Побед. Хотела бы я, чтобы вам, моим внучкам, достались такие же мужья!

– Может быть, Альдин-Ингвар? – с надеждой спросила Ведома. – Ведь он через Харальда Боезуба тоже принадлежит к Скъёльдунгам и ведет свой род от Одина.

– Это он тебе нахвастался? – недовольно ответила Рагнора. – Столь знатным людям, как мы и он, не следует слишком сближаться – каждому из них требуется много свободного места вокруг, иначе не миновать беды!

Рагнора помрачнела и замолчала. Двадцать лет назад она расставила ловушку для смолянского князя: путем женитьбы на Гостиславе Сверкер стал его наследником. Теперь, похоже, судьба расставила ту же ловушку ему самому: при отсутствии сыновей его власть мог отнять муж старшей дочери. Помыслы Рагноры раздваивались: всей душой она желала своему роду достойного продолжения, но понимала, что достойный муж для внучки, скорее всего, станет гибелью для сына.

В Северных странах было очень много потомков богов, кто думал так же, как она. Каждому из них требовалось много места для чести и славы: иные уезжали за ними подальше, иные отвоевывали в родных местах, а иные становились жертвами этой борьбы и пропадали в волнах забвения. Когда-то они с мужем отправились сюда, где люди не знали, каким богатством являются речные пути, на которых они живут. Тогда с дружиной в пятьдесят человек можно было стать властелином мира.

Но за эти сорок лет многое изменилось. Рагнора помнила рослого парня с белокурыми, немного вьющимися волосами, с глазами удивительного серовато-зеленого цвета и холодно блестящими, будто сталь. Его звали Одд Хельги, и он шел с дружиной на юг. Они с Олавом пропустили его – а почему бы и нет? Почему не дать другому достойному человеку поискать

счастья там, куда ты сам не собираешься? И вот прошли годы, и потомки того парня завладели Киевом на юге, их родичи сидели в Плескове на северо-западе, в Хольмгарде и Альдейгье. Им уже принадлежало племя ловатичей, ближайших соседей на север. Рагнора чувствовала, как сжимается петля. Пройдет еще какое-то время – и на всей этой земле, столько обширной, что ее не проехать и за два месяца, останется место лишь для одного вождя. Мог ли ее сын Сверкер рассчитывать стать этим вождем, не имея сыновей-наследников? Те мальчишки, что носятся по двору, – слишком низкого род, чтобы Один признал их своими потомками. Да и будет ли у них время, чтобы подрасти? Даст ли его Ингвар сын Олава, сидящий в Киеве? И об этом Рагнора дочь Харальда тоже хотела спросить своего родича Хринга – того, что проложил ее роду путь сюда.

– Пойдем! – Она взяла с земли трехногое сидение. – Или хочешь простоять здесь до утра?

Ведома молча последовала за ней, дивясь про себя, как ловко старая бабка взбирается по крутому склону кургана, где виднелась слабая, едва заметная тропинка. Будто некие духи уже несли ее под локти.

Но духов здесь еще не было – Ведоме еще предстояло их призвать. На вершине кургана Рагнора постояла немного, оглядывая поле погребений. Курганов, больших и поменьше, перед ее глазами расстилались десятки – дальше не было видно в густеющей тьме. И каждый был новым домом какого-то беспокойного духа, считавшего своей непременной обязанностью раздвигать мир. Она обретала силу, глядя на них и думая о той мощи, что была здесь погребена. Ведь такие люди никогда не умирают насовсем.

Рагнора вынула из мешка петуха, взяла нож и отсекла птице голову. Потом обрызгала горячей кровью траву по всей вершине кургана, закрыла глаза и позвала:

Привет мой тебе,
Мертвых дружина!
Воинам павшим,
В курганах живущим.
Ночью сильнее
Становятся все
Мертвые воины –
Время настало!
К тебе я взываю,
Павших Властитель!
Вождь достославный,
Житель курганный,
Дар мой прими
И Рагнвёр ответь!

Вслед за тем Ведома запела заклинательную песнь. Бабка Рагнора стала обучать ее этому искусству с десяти лет – когда умерла ее предыдущая помощница. Заклинательная песнь состояла из «сильных слов», выпеваемых особым образом, ровным, даже заунывным голосом, так, чтобы можно было убаюкать живых и разбудить мертвых.

«Ночью сильнее становятся все мертвые воины, чем днем при солнце…»[7]. Когда она, еще девочкой, впервые услышала эти слова, в ней будто что-то перевернулось, встрепенулось, отозвалось. Рагнора не рассказывала этого, но Ведома со временем сама поняла: существуют такие особые слова, слова-ключи. Как часть священных песен, они веками передаются из поколения в поколение, их слышат сотни и тысячи людей, но лишь для некоторых эти слова откры-

[7] «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга». Пер. А. Корсуна

вают дверь, через которую можно выйти за пределы мира яви, мира живых людей. Слов таких много, для каждого они свои. Из уст в уста, из страны в страну, они блуждают подолгу, пока не набредут на того человека, которому послужат дверью в Иное. Они могут ждать его сотни, тысячи лет. Но им ничего не сделается: ведь слова бесплотны и нетленны, им не страшны дали, холода и годы.

«Ночью сильнее…» При этих словах перед Ведомой будто распахивалась темно-синяя глубина, мягкая, насыщенная невидимой жизнью. Она знала, куда идти, было ощущение, будто она парит в плотной пустоте. Собственный голос, выпевающий «сильные слова», не имеющие смысла в обыденном языке, доносился издалека, но проникал в каждый слой этой пустоты.

Однако Ведома не видела и не слышала тех, кого призвала. Ее задачей было держать дверь открытой, а пришедшие гости разговаривали с Рагнорой. Уже не первый год она тайком задавалась вопросом: позволит ли ей бабка самой когда-нибудь поговорить с гостями из курганов?

Она не замечала времени и не знала, скоро ли Рагнора сделала ей знак прекратить пение. Но вот бабка встала с трехногого сидения и махнула девушке рукой. Ведома замолчала. Рагнора стала делать знаки, отгоняя духов прочь и закрывая за ними двери. Девушка стояла, глубоко дыша и впитывая ночную прохладу, запах земли и трав, чтобы вновь утвердиться в здешней жизни.

– Что они сказали?

Впервые в жизни Ведома задала Рагноре этот вопрос. Никогда раньше она не считала себя вправе лезть в столь важные дела без приглашения.

Бабка сердито оглянулась на нее.

– Они сказали, чтобы ты и думать забыла об этом красавчике из Ладоги! – отрезала она. – А почему – об этом я поговорю с твоим отцом!

* * *

Гостислава не ложилась, хотя было уже далеко за полночь. Она опасалась, что Рагнора не позволит внучке зайти к ней, но все же надеялась. Загасив лучину и велев Нориме спать, княгиня тайком то поглядывала в оконце, то выходила наружу и вслушивалась: не послышится ли скрип отворяемых ворот.

И ждала не она одна. В избе самой Рагноры горел огонек, а Сверкер даже чаще, чем жена, выходил и прохаживался перед дверью. Он ждал мать, очень желая услышать, что ответили ей духи.

Когда бабка и внучка в сопровождении челяди наконец воротились, Рагнора сделала Ведоме знак не входить вслед за ней. Мать и сын ушли в избу, а Ведома, очень этим довольная, побежала к Гостиславе.

– Ну, что? – шепотом спросила княгиня, у дверей взяв ее за руку.

Прияна и Норима спали, и княгиня не стала зажигать огня. Задвинув заслонку на оконце, она усадила старшую дочь рядом с собой.

– Она сказала только, что за ладожского жениха мне не идти, – шепнула Ведома. – И еще про лиходеев тех с волока сказала на обратном пути. Что, дескать, ей старый Хринг велел сделать руническую дощечку с проклятьем и вложить в руку Биргира. И он, стало быть, как на тот свет пойдет, проклятье с собой унесет, оно и сбудется.

– Она не сказала, кто те лиходеи?

– Мне – нет. Отцу скажет, если знает.

– Я тоже кое-что знаю, – совсем тихо прошептала Гостислава. – Я говорила с Ведьмой-раганой.

Ведома кивнула в темноте: она и не сомневалась.

– И… ты ведь не узнала ее? – спросила мать.

– А я могла?

– Ты видела ее, только редко и давно. Это… невестка моя, Ростишина вдова, Еглута.

– Ростиша? Кто это?

– Это мой братанич двоюродный. У деда Станиши, Станислава Велеборовича, был еще сын Велеслав, твоего деда младший брат. У него сын – Станила, в честь его деда нареченный. А Ростиша – его сын. Велеславова ветвь нашу на целое поколение обогнала, и Ростиша мне был племянник, а по годам почти ровесник. И у них с Еглутой был сын старший… не вспомнила, как звали. – Гостислава покачала головой. – Когда… варяги наши на Ольшанский городец пошли, Еглута пыталась с мальцом убежать. Села в челн и погребла прочь. Потом опрокинулась. Люди видели. Думали, они утонули оба. А теперь вон она объявляется! Живая, по всему судя. И знаешь, она мне намекала… – Гостислава сжала руку дочери, – что есть у рода нашего еще один росток живой. Что сможет Велеборовичей возродить и прежнюю силу им вернуть. Я не сразу и поняла, а потом догадалась: видать, сын ее тоже жив. И она даже хотела… говорила, что если ты за него выйдешь…

– Выйду? – удивилась Ведома. – Он же мне родич…

– Я сочла. До деда Станислава если считать, вы с ним будете родня в седьмом колене. Жениться можно. Но ты сама понимаешь – отец скорее убьет тебя, чем такое позволит. Он если и узнает, что Велеборовичей не под самый корень извел… и вот я думаю… – Гостислава помолчала, пытаясь собрать в кучу перепутанные мысли и догадки. – Не зря ведь она столько лет пряталась, а тут сама тебе и мне на глаза показалась, склонять к чему-то начала… Не он ли, сын ее, с теми лиходеями был? Ведь везли-то отцу что? Мечи булатные для дружины. И если Ростишин сын себе дружину для дела готовит, то ему эти мечи тоже нужны. Вот он и напал на обоз. Может такое быть?

Ведома молчала. Она пыталась осмыслить сказанное, которое, с одной стороны, было в согласии с ее собственными впечатлениями, а с другой, было слишком важно, чтобы вот так сразу все уразуметь.

Ведьма-рагана говорила ей о выборе. Гостиславе открыла, в чем этот выбор состоит. Жених, которого подберет отец ради укрепления своих силы и власти – либо жених из леса, который, наоборот, будет пытаться отнять эту власть у Сверкера… Очень похоже, что этот лесной жених уже нанес первый удар: вырвал из рук врага оружие. И тем приобрел средство для борьбы за возрождение рода Велеборовичей, старинных смолянских князей…

– Это что же… – в испуге прошептала Ведома. – Кто-то нам… новую войну готовит?

Гостислава промолчала. «Пусть у злодея нашего есть сыновья, но ты ведь их жалеть не будешь, как он наших сыновей не пожалел», – сказала ей Ведьма-рагана. Но ее дочери этот злодей был родным отцом, а его сыновья – сводными братьями. И приняв сторону незнакомого брата из леса, Ведоме придется принести в жертву этих братьев, еще маленьких… Девочек пожалеют – или на Волжский путь продадут, или дружине раздадут. А здесь – осада, драка, пожар… Все как тогда, когда Сверкер захватил Ольшанск.

– Нет! – выдохнула Ведома и затрясла головой. – Я не хочу так.

– Но твоя бабка задумала его погубить! – Гостислава заломила руки. – Последнего, кто остался!

Ведома не ответила. Разумеется, матери был дорог последний росток ее рода. Но в Ведоме силен был голос и ее крови с другой стороны – отцовской. «Мы хотели сделать наш мир больше», – сказала ей сегодня Рагнора. Однако путь в далекие страны оказался вымощен костями ее, Ведомы, родичей по матери. Она, Ведома, по рождению принадлежала к руси, но старый мир материнских предков тоже предъявлял на нее права. Если она сейчас позволит Рагноре колдовством погубить ее незнакомого родича, все останется как сейчас. Если же она

поможет ему уцелеть, все для племени смолянских кривичей изменится опять. И эти перемены едва ли возможны без пролития крови.

И как она может решить, что лучше? Разве она Суденица или мудрая вёльва?

Однако судьба не спрашивала, чего она хочет и может. Так долго лившаяся ровным потоком, она вдруг начала подавать знаки: время пришло…

* * *

Если Гостислава шепталась с дочерью в потемках, то Сверкер велел зажечь в избе матери побольше огней. Рагнора устало опустилась на скамью, покрытую медвежиной: с годами она все больше уставала от нелегкого труда общения с духами. Сверкер сам подал ей восточную расписную чашу, где на дне был изображен желтыми и зелеными красками чудный крылатый зверь: в чаше было подогретое греческое вино, смешанное с медом и отваром цветков боярышника. Рагнора любила этот напиток, восстанавливающий силы. Кивнув в благодарность, она отпила из чаши и закрыла глаза, ожидая, пока бодрящее тепло растечется по жилам.

– Ну, что? – так же, как жена, не утерпел Сверкер.

– Духи сказали, чтобы мы гнали прочь этого ладожского красавца. – Рагнора открыла глаза. – Они сказали: если мы так или иначе породнимся с Ингваром киевским, с нами будет то же, что было с Ведомилом. К тому времени как Ингвар ладожский поедет осенью назад, наша невеста уже должна быть замужем. И ей нужен муж гораздо ниже тебя положением, такой, чтобы он не мог стремиться на твое место.

– Именно об этом я и думал. – Сверкер помолчал. – И я знаю такого человека.

– Тогда почему я его не знаю? – Рагнора с удивлением взглянула на сына, грея холодные ладони о бока горячей чаши.

– Знаешь. Это Зорян, князь Зоремир Дивиславич из Зорин-городка.

– Да что ты говоришь? – Рагнора даже отставила чашу. – Зорян? Да ведь он все равно что названный сын Ингвару киевскому и платит ему дань! Не ты ли мне рассказывал, как он жаловался, что по их договору он даже жену себе не может взять без разрешения Ингвара, а тот ему этого разрешения уже двенадцать лет не дает!

– Все так и есть! – Сверкер усмехнулся. – А теперь угадай, моя мудрая мать: кто ненавидит Ингвара киевского сильнее? Разве тот, кого Ингвар вовсе лишил нужды в какой-либо жене!

– А есть и такие?

– Не знаю. У греков так обходятся с лишними наследниками. Я знаю одно: мне нужен союзник, который ненавидит Ингвара киевского. Но достаточно влиятельный, чтобы от него был толк. И где мне такого взять? Тебе духи не подсказали? Тогда давай прикинем сами. Анунду конунгу хватает забот с хазарами, булгарами и тамошними финнами, он в наши дела не лезет. В Плескове сидит ближайшая родня Ингваровой жены. На Ильмень-озере правят мать и брат Ингвара. В Ладоге – его племянник Ингвар-младший. Ловать он подчинил себе. В Полоцке сидит Всесвят, а он приходится братом покойной матери Зоряна. Это уже кое-что! Он, пожалуй, встанет на нашу сторону, если будет нужда. А нам необходимы союзники, иначе Ингвар киевский проглотит и нас, и Полоцк, и Анунда конунга в конце концов.

– И почему ты думаешь, что Зорян станет спокойно ждать твоей смерти? – прищурилась Рагнора.

– Потому что если он вздумает со мной поссориться, по его голову немедленно явится Ингвар киевский. Только вместе мы сможем ему противостоять. Я позабочусь, чтобы Зорян это понял, прежде чем позволю ему стать моим зятем. Сейчас нам нужно побыстрее спровадить Ингвара ладожского, не дав ему никаких обещаний.

– Ну, это не трудно сделать, – заверила Рагнора. – Я сделаю заклинание, которое разведет подальше пути нашей девушки и этого парня. Чтобы они никогда больше не пересекались! И призову к ней жениха – такого, как ты сказал.

– А что Хринг ответил насчет разбоя?

– Он не назвал имена, но пусть это тебя не тревожит. Он сам позаботится о том, чтобы негодяи были наказаны. Все будет сделано не позднее погребения Биргира.

– Хотел бы я, чтобы Биргир забрал этих негодяев с собой!

– Именно так и будет. Не сомневайся, я все это устрою.

* * *

Назавтра ближе к вечеру Рагнора выслала из дома челядь и велела Ведоме сесть рядом.

– Ты уже взрослая, тебе пора научиться и «черным рунам», – заявила старуха. – Мне открылось, что жить осталось недолго. Если я не научу тебя сейчас самому главному, ты можешь навек утратить возможность выучиться чему-то полезному.

Эти слова Ведому не слишком напугали: бабка уже давно грозила своей скорой смертью, после которой девушка будет свободна от учебы и сможет наконец выйти замуж. И этим угрозам Ведома давно перестала верить.

А вот обещание научить проклятиям – иное дело. Всякая ворожба опасна, а злая – и подавно. Ведома относилась к ней с брезгливостью, но не удивлялась, что бабка так к ней привержена: Рагнора была властолюбива и упряма, а как еще женщина может подействовать на своих врагов? Не мечом же размахивать!

Как творится такая ворожба, Ведома уже знала. Сначала нужно составить заклятье, в котором изложить свою волю и желание. А потом закрепить ее начертанием «сильных слов». Вот эти-то «сильные слова» и составляли главную тайну. Самые сведущие из колдунов складывают их сами, но большинство пользуется теми, что когда-то были получены по наследству от старших родичей или предшественников. Ведома уже умела чертить рунные заклятья, но пока только «добрые» – на победу, силу, здоровье, удачу. А «злые» заклятья – все равно что острый меч. Не стоит давать их в руки неумелому воину.

– Мы должны наказать негодяев, которые ограбили твоего отца и убили такого достойного и родовитого человека, как Биргир ярл! – внушала ей Рагнора. – Если бы он добрался сюда живым, то твой отец мог бы рассудить, что он станет подходящим мужем для тебя! И ты уехала бы жить в Бьёрко! А теперь… жди, кого пошлет тебе судьба! – Она решила умолчать о том, что имя будущего мужа внучки ей уже известно. – Но не знаю, будет ли это столь же подходящий человек!

При этих словах бабки Ведома вскинула на нее вопросительный взгляд. О покойнике Биргире, конечно, думать как о женихе больше нечего, но это был хотя бы намек насчет отцовских замыслов. Желание матери по части ее замужества Ведома, кажется, уже поняла…

– Очень может быть, что другой муж будет ниже тебя по положению, – продолжала Рагнора, решив несколько подготовить внучку к предстоящему. – Но этот брак пойдет на пользу всей нашей державе.

– Ты знаешь об этом? – в изумлении воскликнула Ведома.

Казалось, старуха видит ее мысли. Но все же Ведома надеялась, что не настолько глубоко.

– Есть кое-какие намеки… – Пока Рагнора не хотела говорить больше. – Но довольно болтовни. Что бы ты пожелала этим негодяям, которые ограбили твоего отца?

Этот вопрос поставил Ведому в тупик. Не будучи злой девушкой, она затруднялась, чего нехорошего пожелать вообще кому бы то ни было. А тем более родичу матери и, возможно, будущему мужу самой Ведомы.

– Ну… – неуверенно пробормотала она, – пусть у них не будет удачи.

– Удачи! – хмыкнула Рагнора. – Да пусть они вовсе забудут, что означает это слово! Пусть глаза их будут смотреть только к ним же в утробу! Пусть их уши вывернет наизнанку! Пусть их носы вечно будут засунуты в собственную их задницу! Что ты смеешься?

Ведома фыркала, зажимая рот ладонями. Проклятия должны внушать ужас, но ее от этого воображаемого зрелища разбирал неудержимый смех.

– Если тебе смешно оттого, что говорит твоя старая дурная бабка, придумай же что-нибудь сама! Если, по-твоему, я выжила из ума и годна только потешать разными глупостями людей на пиру, чтобы они хохотали, пока не заболит живот.

– Пусть… Мамонт подземный пусть их изгложет! – вдохновенно пожелала Ведома, вспомнив, что в детстве, когда нянька укладывала ее спать, лучше всего получалось угомонить угрозой «мамонта подземельного».

– О, хорошо! – одобрила Рагнора.

– Черный медведь… откусит им руки!

– Тоже неплохо.

– Упырь-кровопийца… их высосет сердце!

– Ты не так безнадежна, как я думала.

– Русалки их пусть… защекочут до смерти!

Так они упражнялись еще некоторое время, и Ведома понимала: бабка только забавляется, а настоящие проклятья потом сочинит сама.

Наконец дело дошло до главного – «сильных слов».

– Мы возьмем на первый раз самое простое заклятье из трех сильных слов, – сказала Рагнора. – Хотя их может быть больше – шесть, семь, девять. Эти три слова – «тистиль-мистиль-кистиль». Что означает «чертополох-омела-гроб». Ты понимаешь, при чем тут омела?

– Да. Из омелы была сделана стрела, убившая Бальдра и приведшая его в могилу. И она ядовита. А чертополох означает иссушающую жажду и тоску, тоже ведущую к смерти.

– Начерти мне эти руны. – Рагнора подала ей вощеную дощечку и костяной стрежень.

Дрожащей рукой Ведома вывела три знака.

– А теперь запишем три раза второй знак: «исс». – На дощечке появились три стоячие черточки. – Теперь третий. – Ведома высадила на дощечку три изогнутых «червячка», за которыми скрывалась могучая руна победы.

Так на дощечке появилась запись: три первых знака, составлявших первую часть, были разными, а дальше шли еще пять частей, каждая из трех одинаковых рун. Проклятие было записано, оставалось поместить дощечку в надлежащее место и произнести свою волю вслух.

– Теперь иди и соберись с духом, – велела бабка. – Завтра не ходи на пир и ничего не ешь. Когда пир окончится и все уйдут от могилы, мы с тобой пойдем туда, и ты произнесешь проклятие. Ступай к матери и ночуй сегодня у нее. Мне нужно здесь заняться… кое-чем другим.

Угнетенная новым знанием, Ведома ушла. Она привыкла не задаваться вопросом, в чем состоят занятия бабки, в которые та не желает ее посвящать. Но сегодня ей казалось, что эта другая работа имеет какое-то отношение к ней, Ведоме.

И эта тоже делает ей намеки насчет замужества! Уж не приняли ли они с отцом некое решение? Но уж точно не то, какого от нее желают Ведьма-рагана и даже мать, хоть и не столь явно.

* * *

Второй раз Лютояр и Равдан проделали путь к Березине только вдвоем. Когда Лютояр привел к логову Ведьму-рагану, чтобы помогла проводить на тот свет Ярого, она тоже спросила: а что было в том тюке?

– Вам стоит вернуться туда и выяснить, ради чего погиб Ярый, – сказала она. – Но что бы это ни было, вы должны принести сюда хотя бы часть, и мы дадим ее ему с собой. Негоже ему уходить к дедам без добычи, какую взял ценой своей жизни.

С этим спорить не приходилось. Но парням самим было до смерти любопытно: что же они такое добыли? Поэтому на другой же день после расставания с младшимим побратимами они отправились обратно вдоль верховья Каспли к Березине.

До места добрались к вечеру. Уже спускались прохладные весенние сумерки. Мелькала мысль переночевать и приняться за поиски утром, но уж очень нетерпелось. Поэтому принялись прямо сразу, тщательно оглядевшись, нет ли кого. Оба помнили, что Сверкер мог выставить в этих местах дозор. Но у них еще в тот раз хватило ума бросить челны не на том берегу, по которому они уходили, а на противоположном. И на весь лес по Березине у Сверкера людей не хватит.

Они так хорошо спрятали добычу в чужом месте, что теперь искать пришлось долго. Было даже подозрение, что кто-то другой уже нашел… И вот, когда под елями уже настолько стемнело, что искать приходилось почти наощупь, пальцы Лютояра наткнулись под слоем палой листвы на толстую, холодную промасленную кожу.

Он тихонько свистнул, и вскоре из-за елочек показался Равдан. Вдвоем они выволокли тюк на прогалину, где было посветлее. Лютояр перерезал веревки, толкнул сверток на другой бок, откинул край кожи.

Внутри лежали какие-то длинные прямые тела, серые и пятнистые, будто замершие змеи. Равдан невольно отпрянул, потом засмеялся сам над собой, закрыв рот грязной ладонью.

– Это что? – Он выволок из тюка длинную, локтя в полтора, железную полосу.

С одного конца она была сужалась, а с другой кончалась коротким и узким отростком.

– Не трогай! – Лютояр схватил его за руку. – Положи.

Равдан в недоумении взглянул на него.

– А если хочешь брать, то возьми через подол.

– Чего?

– Вот так! – Лютояр взял у него полосу, держа через подол своей серой рубахи.

– Зачем? Они вроде не острые! – Равдан прикоснулся пальцем к краю полосы.

– Ну… Я не помню… – Лютояр и сам выглядел немного озадаченным и будто силился уловить какую-то мысль. – Во сне видел, что ли… Но я верно знаю, что такие клинки нельзя голыми руками брать, они от этого портятся!

При виде добычи в его памяти всплыли какие-то обрывки воспоминаний из детства, и вместе с ними убеждение, что подобные пятнистые клинки нельзя трогать голыми руками, и вовсе не потому, что порежешься. Нельзя, и все! Как нельзя совать руки в огонь. Это убеждение сидело в нем так же прочно, как все, что усвоено в раннем детстве, связано с образами отца и деда и потому особенно дорого. Только ранее не было случая эту мудрость применить…

– Это же клинки от мечей! – сообразил и Равдан. – Или для мечей… Вот так богатство!

Он засмеялся, более от недоумения, чем от радости.

– Так и есть! Ты хоть понимаешь, сколько такой стоит? – Лютояр качнул клинком, который держал двумя руками за концы.

– Нет, – честно признался Равдан. – А сколько?

– Ну… много. Очень много. Я такие видел… очень давно. Еще пока мальцом был.

– Это где же? – удивился Равдан, точно знавший, что в лесу подобного не водится.

А Лютояр никогда не упоминал, чтобы жил где-то, кроме леса.

– Где надо! – отрезал Лютояр и бережно положил клинок к остальным.

Потом задумчиво посвистел:

– Ну, мы попали…

– А что такое?

– Уж лучше б тут были гривны серебра!

– Само собой, лучше.

– Ты не понял. Один такой клинок куда дороже гривны серебра. Я, вот честно скажу, не знаю насколько, но дороже. Только с гривной дело плевое – разобрал по шелягам, шеляги на части порубил, и делись, меняй у купцов на что хочешь. Бронзу варяги в слитках везут – тоже порубил, или перелил в нужную вещь, да и пользуйся. А с этим что делать?

– Что?

– Да ничего с ним не сделаешь! Такими мечами князья воюют и самые большие воеводы. На торг у пристани его не понесешь и на части не порубишь – какой с него тогда толк? Это как челядина по частям продавать…

Равдан засмеялся, но Лютояру было не до шуток.

– Чего ржешь, голова твоя кобылячья? У нас в руках такое богатство, что все твои Озеричи в трех поколениях не видели, а делать с ним нечего! Только обратно закопать.

– А продать? – предложил Равдан, который с детства близ волока слышал много разговоров о торговле.

– Купец спросит, где взял. А взять нам такое негде, кроме как там, где и взяли… И князь сразу узнает.

Они посидели молча.

– Ну так чего, в реку спустим да и пойдем? – предложил наконец Равдан, который начал подмерзать на холодной весенней земле.

Лютояр вздохнул и начал снова стягивать сверток обрезанными веревками.

– Себе возьмем. Один отдадим Ярому. А другие…

– Другие что?

– Хрен в решето!

Лицо Лютояра опять приняло то загадочно-решительное выражение, как бывало, если Равдан заводил речь о будущем. И побратим оставил его в покое: раз не хочет говорить, упрямый шиш, из него слова колом не выбьешь.

* * *

Наконец все было готово для погребения Биргира. Нарядно одетого мертвеца извлекли из холодного подвала, где он лежал все это время взаперти, в окружении вороха полыни и других пахучих трав, перенесли в смертный покой и водрузили посередине, прихватив незаметно веревкой к спинке сидения. На поясе у него висел скрамасакс, а меч в ножнах и боевой топор Рагнора велела положить с правой стороны.

В полдень к могиле собралось множество народа. Для князя и старших гостей поставили столы и скамьи, остальные устроились на земле, на разложенных кошмах и шкурах: дружине было не привыкать. Для начала сварили в большом котле теленка – без соли и приправ, ибо мертвые не употребляют соли. Голову и ноги сразу положили в могилу. Каждому из гостей, начиная со старших, поднесли по кусочку мяса и по ложке отвара; остатки тоже поставили в котле возле тела. И пошло веселье: гости пили мед и пиво, свеи рассказывали, какой достойный человек был покойный, все, что могли припомнить про его род и свершения. К сожалению, родичей его здесь не было, только дружина, а хирдманы, особенно подвыпив, путались и спорили. Устроили воинские состязания возле могилы: стучали мечами о щиты в поединках, метали сулицы, стреляли в цель, боролись. Играли на гуслях и рожках, били в бубны, пели и плясали. И каждый, кто проходил мимо могилы, выливал в нее немного из своей чаши или рога.

Иные замечали в руке у покойного что-то вроде небольшой дощечки, но благоразумно не приглядывались. Если это вложила в мертвую ладонь Рагнора, остальным лучше и не знать, в чем дело.

Гуляли до самой темноты: любой покойник остался бы доволен таким прощальным пиром, и можно было надеяться, что Биргир ярл унесет из этого мира самые лучшие воспоминания. Старались не ударить в грязь лицом: ведь уже вскоре он очутится на пиру в самой Валгалле.

Когда начало темнеть, пир завершился: во тьме живым уже не стоит оставаться рядом с мертвым. Могильный дом закрыли досками и слегка присыпали землей. Окончательное его закрытие было делом не одного дня, но со светом живых покойный уже простился.

Альдин-Ингвар сидел на почетном месте возле самого Сверкера, но если он надеялся увидеть на торжестве Ведому, то напрасно: отец не разрешил ей присутствовать. А Гостислава была. Нарядно одетая, она расположилась возле мужа и приглядывала за челядью: чтобы вовремя подносили новые блюда, убирали с глаз объедки, оттаскивали подальше упившихся вусмерть и вообще чтобы все шло достойно.

Княгиня тоже видела, что Биргир держит две деревянные дощечки. Легко было догадаться, что на них: Рагнора составила одно проклинающее заклятье для лиходеев и одно – на разлучение Ведомы и Альдин-Ингвара. Того самого, который сидел неподалеку в нарядном синем кафтане и вежливо улыбался княгине каждый раз, как им случалось встретиться глазами. Но ему, по крайней мере, эти дощечки не грозили безвременной смертью. В отличие от другого человека, о судьбе которого Гостислава не могла не беспокоиться…

Вот пир закончился, все разошлись. Спящих пьяным сном растолкали, подняли и увели под руки: уснувший возле свежей могилы не проснется на этом свете. Челядь собрала посуду, кости и объедки унесли в корзинах – для собак, потом уволокли в городец столы и скамьи. Не считая примятой травы, все следы погребального пира исчезли. И еще осталась выложенная из толстых досок «крыша» могильного дома. Позже здесь поднимется курган.

* * *

Вслед холопам, уносившим скамьи, с уровня земли смотрели три пары внимательных глаз. Было похоже, будто трое из погребенных на этом поле когда-то раньше выползли взглянуть, из-за чего шум – хотя этим-то было бы удобнее посмотреть снизу, кто это вселяется сверху в их мертвый город, для кого поставлены новые подземные палаты. В серо-бурой неприметной одежде, Лютояр, Равдан и Малец почти сливались с землей, и среди старой потемневшей травы их в наступающих сумерках не разглядел бы даже самый приметливый глаз.

Наблюдая, как убирают следы пира, они думали об одном: будут ли выставлены сторожа возле могилы? Но никто не остался, и трое вилькаев вздохнули с облегчением.

– Может, потом подойдут, – шепнул Равдан.

– Мы долго ждать не будем, – ответил Лютояр. – Сейчас еще потемнеет малость, и пойдем. А потом пусть сторожат хоть до зимы.

Едва двое вилькаев перевели дух, притащив к логову добычу и как следует спрятав уже в знакомых местах, как Ведьма-рагана огорошила их «радостной» вестью: старая колдунья-варяжка собирается наложить на них проклятье, которое их обязательно погубит! Ей рассказала об этом княгиня Гостислава, которая заявилась в лес, пока они ходили на Березину за своей добычей.

Парни не показали вида, но сердце обняло холодом. Все знали могущество колдуньи, матери Сверкера. Ее чары считали причиной гибели Велеборовичей не менее, чем мечи хирдманов ее сына. Ее проклятье сгубило прямых потомков Крива. Как можно ему противостоять? Невольно парни думали о грозящем проклятьи, даже когда укладывали тело Ярого в яму под

корнями ели и устраивали у него под боком серый пятнистый клинок, похожий на закоченевшего змея.

И из-за этого они пришли тайком на совсем другие похороны. Защититься от проклятья Рагноры они могли только одним способом – не допустить, чтобы оно было наложено. Перехватить послание на тот свет.

Мрак над погребальным полем постепенно густел. Во все стороны, будто земляные волны, разбегались курганы разной величины – было несколько больших, где в ладье отплыли на тот свет вожди, такие как Хринг и Олав, были маленькие, старые, уже едва различимые в высоких пучках желтой прошлогодней травы. На иных виднелись бдыны – столбы, с привязанными на них поминальными рушниками разной свежести. Ветер трепал края рушников, посеревших от дождей и пыли, и казалось, неупокоенный дух машет тебе с вершины. Под столбами темнели горшки с угощением – иные новые, принесенные только этой весной, а иные уже были оплетены стеблями. Были и совсем неухоженные могилы – видать, никого живых из старого рода в этих краях не осталось. Только мертвые…

Иные бы напугались, оказавшись почти ночью в окружении покойников, но трое вилькаев лишь поворачивались с боку на бок, чтобы не очень зябнуть на холодной весенней земле. Они сами считались обитателями того света и на поле мертвых чувствовали себя как дома.

Лютояр окинул поле взглядом. Уже стемнело настолько, что различить удавалось только ближние места. Из города и с берега уже никто не разглядит движения у свежей могилы.

– Пошли, – вполголоса велел он.

Все трое разом приподнялись и, пригнувшись, побежали к могиле. Малец, самый молодой из «отреченных», лет пять назад был пленником из каких-то самых дальних голядских племен: варяги везли его продавать на Волгу, но сумел сбежать с ночлега и после блужданий в чужом лесу наткнулся на Ярого. Имя его было Малле, но товарищи стали звать его Мальцом. Сейчас он нес горшок, в котором под слоем пепла тлели угли, а Равдан – связку лучин.

У самой могилы вилькаи бросились наземь и замерли. И лежали довольно долго, не шевелясь: если кто-то их все же приметил, то теперь подумает, что померещилось. Прямо перед собой Равдан видел свежий срез новой тесаной доски, замаранной и присыпанной землей. Доска широкая: если ее вынуть, то в щель пролезет любой из них.

Все было тихо. Лютояр первым поднялся в рост, уже не таясь: теперь темнота надежно скрывала их. Вслед за ним вскочили двое других. Равдан бросил Мальцу связку лучин, и тот завозился с горшком, раздувая искры.

– Берись! – Равдан кивнул товарищу на конец доски. – А я там.

Он обошел вокруг могилы, изредка наклоняясь и ощупывая кровлю подземного дома, чтобы понять, где она кончается. Вот и другой край доски.

– Взяли! – полушепотом бросил он в темноту, и невидимый Лютояр потянул свой конец вверх.

Равдан сделал то же; сразу из ямы ударил тяжелый мертвый дух. Парень скривился. Все у этой руси не как у людей – спалили бы мертвеца на краде, и сейчас бы тут угольки посверкивали. Нет, даже хоронят не как все – чтобы тебе целая изба под землей, и скамейки, и утварь, и девка! Торговые гости рассказывали, в Киеве русь даже коней с собой на тот свет забирает!

С негромким стуком доска упала наземь возле могилы. Равдан подошел к Лютояру и наткнулся на него в темноте.

– Кто полезет? – спросил он вполголоса.

– Я полезу. Малец, как у тебя?

– Сейчас! – шепнул тот и наконец вынул из горшка лучинку с огоньком на нижнем конце.

Прикрывая собой, чтобы не было видно со стороны, протянул лучину Лютояру.

Тот нашарил дыру в земле, там, где была убранная доска. Помедлил немного и втянул в грудь побольше воздуха: все же это был свежий воздух живых, пусть и отравленный мертвя-

чьим духом. Лезть в вонючую яму не хотелось ужасно. И лишь в самой глубине сердца тлело опасение: все же это не просто яма, а дом мертвого… Он там, внутри, на дне… И к нему нужно подойти вплотную… Кое-что взять у него прямо из рук…

– Хочешь, я пойду? – предложил Равдан, уловив его колебание.

– Нет, я сам. – Лютояр справился с собой.

Он примерился, сев наземь, спустил ноги в яму, чтобы лучше понимать в темноте ее границы. Снова отогнал мысль о могильном жителе, притаившемся во тьме, и опасение, как бы тот не схватил за ноги. Да может, умран уже ждет прямо под отверстием…

И спрыгнул.

Двое, оставшиеся наверху, услышали глухой стук его ног о доски могильного пола.

– Ну, как? – тут же позвал Равдан, заглядывая в яму и не видя там вовсе ничего.

– Вонища, – глухо ответил голос из-под земли.

Они надеялись, что это им ответил Лютояр.

Равдан взял у Мальца горящую лучину и так же, прикрывая собой, спустил в отверстие.

Какая-то рука взяла ее и тут же отодвинулась. Двое наверху замерли, прислушиваясь.

* * *

Лютояр повел перед собой лучиной. Ничего не увидел, кроме самого огонька. Слишком близко. Пошарив свободной рукой по стене, нащупал щель между горбылем, которым были выложены стены могильного дома, и вставил туда лучину, а сам отступил вдоль стены на пару шагов.

Так было лучше. Теперь он разглядел помещение, размером с тесный дом для маленькой семьи. Посередине, в паре шагов от него, сидел мертвый хозяин. На почерневшее лицо Лютояр старался не смотреть. По сторонам два ведра, в которых уложены голова и ноги жертвенного теленка, кувшины с медом и пивом, горшки с кашей, глиняное блюдо с чем-то белым – вареные яйца. Справа лежит меч в ножнах и боевой топор.

О боги! Лютояр даже забыл на миг, зачем сюда пришел. Еще один варяжский меч, но только уже заточенный и с рукоятью – хоть сейчас иди воевать! Такой стоит куда дороже тех клинков, над которыми еще работать и работать, пока они станут годны в дело. И вот он валяется на земле под ногами, будто простая палка. Уже завтра над всем этим сооружением насыплют слой земли, сперва разожгут огромный костер, а потом навалят еще больше земли. Никто не узнает, лежит тут этот меч или нет. Зачем такому сокровищу пропадать? Этому чернорожему в его Валгалле небось другой дадут. У Одина всего много.

– Ты там жив еще? – донесся сверху встревоженный голос Равдана.

Лютояр потряс головой. Он не за тем сюда пришел. Дощечки. Княгиня передала, что колдунья собирается вложить их в руки мертвеца.

Он шагнул ближе и вгляделся. Черные руки и правда держали нечто похожее на дощечки. Их две. Нужно их забрать…

Сбоку послышался шум. Вздрогнув с головы до ног, Лютояр отпрянул и прижался к стене, схватился за длинный голядский нож на поясе, готовый защищаться от живых и мертвых. Это оказался Равдан – спрыгнув сверху, уже с ножом наготове, тот озирался, щурясь в полутьме.

– Ты живой, велс[8] недоделанный? – прошипел он. – Чего молчишь? Мы там не знаем, жив ты или тебя уже сожрали. Чего застыл-то, как просватанный?

– Живой я! – Лютояр шумно выдохнул. Пора отсюда вылезать, нет сил дышать этой тяжкой вонью. – Вон они, дощечки.

[8] Велсы – духи мертвецов в балтских верованиях.

– Ребята! – донесся сверху быстрый шепот Мальца. – Идет кто-то. Шустрее давайте!

Равдан шагнул к мертвецу, но споткнулся обо что-то на полу и чуть не упал. Присел, опираясь на руки, ощутил под ладонью пронзительный холод остывшего на земле железа и шероховатую деревянную рукоять – боевой топор Биргира. А рядом с ним…

– Меч! – выдохнул он, сидя на земле. – Лютко, ты видел? Тут готовый меч варяжский!

– Двое! Идут! Уже близко! – в испуге шептал сверху Малец. – Сидите, я вас закрою!

Раздался стук – Малец подтащил к щели сперва один конец тяжелой длинной доски, потом другой. Приладил кое-как, закрывая отверстие, потом пал наземь и шустро, будто уж, отполз на несколько шагов, притаился среди неровной груды земли, выбранной из ямы при подготовке могилы. И замер, держа наготове нож и прикрыв его собой, чтобы не выдал блеском.

К могиле подошли двое – его чуткий, обостренный лесной жизнью слух улавливал шорох шагов по траве. Один держал факел. Пришедшие были невысоки ростом… в долгополой одежде… о боги, это, кажется, женщины!

Мальца пробрало морозом. Будь это мужчины, он бы так и ждал, в любой миг готовый на них броситься из темноты, если они заметят сдвинутую доску и попытаются поверить, в чем дело. Но женщины могли прийти на такое место в такой час только ради одного. Колдовства.

Парень застыл, затаив дыхание и мысленно внушая оставшимся в яме побратимам, чтобы они постарались ни малейшим шевелением не выдать своего присутствия. Иначе в этой яме им и остаться.

* * *

Не сказать, чтобы Ведоме было страшно. Весь день она, как и велела Рагнора, не ела и сидела в материнской избе, ни с кем не разговаривая: готовилась. К вечеру чувство голода притупилось, а чувство отчуждения от всего окружающего окутало ее мягким, но почти непроницаемым коконом. Воротясь с погребального пира, Рагнора подала ей миску, где болталось на дне чуть-чуть остывшей похлебки. Ведома через силу засунул в рот ложку с несоленым, жирным, противным варевом и быстро глотнула, стараясь не замечать вкуса – не то вывернет. Пища мертвых – не услада для утробы, хорошо, что вкушать ее живым приходится нечасто. Бабка подала ей другой горшочек – с медом, тоже с пира. Теперь она была готова для встречи с миром мертвых.

От городца до края поля их провожали трое отцовских хирдманов, но у первых могил Рагнора взяла у них факел, и дальше они с внучкой пошли вдвоем. Сделав три десятка шагов, Рагнора остановилась и повернулась к Ведоме:

– Ты уверена, что хочешь туда идти?

– Хочу ли? – удивилась Ведома. Раньше ее не спрашивали, чего она хочет. – Я не боюсь.

– Речь не об этом. Если бы ты вздумала бояться, я бы не признала в тебе свою кровь! В твои годы многие уже замужем и должны сами решать, что им делать. То же скоро будет и с тобой. Ты – из руси, а это значит, что ты живешь на ничейной земле и стоишь двумя ногами в двух разных мирах. Мы, русь, одинаковые в Сюрнесе, и на Бьёрко, и в Хейтабе, и даже в Кенугарде, но совсем не похожи на смолян, или свеев, или ютов и прочих, которые живут вокруг виков, сбывают нам свои товары, покупают наши, не любят, не понимают и опасаются нас. И иногда у них есть для этого основания! Здесь, в Гардах, мы живем слишком далеко от моря – у нас даже нет кораблей! Поэтому мы должны покрепче врастать в землю, пускать глубокие корни, чтобы никакая буря не могла нас свалить! Ингвар, сын Харальда Боезуба, понял это первым и обосновался в Альдейгье сразу после битвы при Бровеллире, где боги сходили на землю в последний раз. Его потомок Тородд продвинулся дальше, занял хорошее место на истоке Волхова и теперь его род повелевает всеми землями вокруг озера Ильмень. Ульв Зверь

первым прошел на юг дальше всех и стал править в Кенугарде, потом его место занял Одд Хельги. Анунд конунг и Торкель конунг забрались дальше всех на восток. Мы прокладываем торговые пути, обеспечиваем связи, помогаем всем богатеть, а потом местные начинают считать нас лишними. Поэтому нам приходится брать власть над ними в свои руки. И от союза руси и власти рождаются такие побеги, как ты. И если снова грянет буря, тебе придется выбрать свою сторону.

Ведома застыла, потрясенная. Стоя на краю поля мертвых, бабка будто окидывала взором все далекие и сложные пути руси на земле славян, и казалось, все эти бесчисленные дружины, разноплеменные и разноязыкие, молча смотрят на них из темноты. Все те, кто веками набирал дружину по числу гребцов на боевом корабле, кто уходил на тот свет через ворота самых разных стран, держа в одной руке меч, а в другой – весы для серебра с бронзовыми чашечками, теперь замерли в предчувствии новой бури.

– И вот что я тебе посоветую, – продолжала Рагнора. – Избегай выбора, сколько сможешь. Не у всякого хватает твердости потом не корить себя за принятое решение. И если не уверена в своих силах, то избегай выбора. Погляди на твою мать: ее мир погиб, но она ни в чем не виновата. И до того, как пропали ее родные, и после все шло не так, как ей бы хотелось, но ей не в чем себя упрекнуть, потому что за нее все решали другие: родичи, муж, обычай. И когда я умру жуткой смертью, она с легким сердцем вновь наденет цветное платье.

Ведома могла бы сказать, что ее мать уже надела цветное платье, но слова Рагноры о жуткой смерти прозвучали так безоговорочно-грозно, будто это должно было случиться вот прямо сейчас, и девушка была совсем подавлена. В словах бабки смешались прошлое и будущее, точно в речах вёльвы.

Но Рагнора не оставила ей времени на размышление и зашагала дальше.

Ведома не раз бывала возле Биргировой могилы во время ее подготовки и знала, где именно та находится – оттуда были хорошо видны курганы Хринга и деда Олава, – но сомневалась, что нашла бы это место в кромешной тьме. Было облачно, и свет звезд почти не достигал земли. Под ногами шуршала невидимая трава, и Ведома поймала себя на нелепом желании иметь такие длинные руки, чтобы можно было на ходу ощупывать землю перед собой. От этого ей захотелось рассмеяться, но она с усилием прогнала досужие мысли и постаралась сосредоточиться. Она ведь идет не гулять, а учиться налагать проклятье! Какой уж тут смех!

Рагнора впереди остановилась, и при свете факела в ее руке Ведома различила чуть присыпанные землей доски. Перед ними был могильный дом Биргира. За время подготовки погребения она бывала здесь не раз, но от мысли, что подземный житель уже вселился и сейчас тут, у них под ногами, ее пробрала дрожь. И они с ним наедине – отделенные от мира живых непроницаемым морем мрака…

– Воткни факел вон там, подальше, – велела Рагнора. – Пригодится на обратном пути, но здесь нам свет не нужен. Темнота быстрее доносит сильные слова по назначению.

Ведома отнесла факел к кучам отвала и воткнула там. Вернулась, осторожно ощупывая ногами неровную землю, чтобы не споткнуться. Когда неразличимая в темноте старуха взяла ее за руку своей холодной сухой рукой, Ведома едва не вскрикнула.

– Мы сделаем так, – тихо заговорила Рагнора. – Нужно обойти могилу против солнца, произнося заклинание. Я пойду первой, а ты за мной. Я буду говорить, а ты повторяй. Так мы наложим проклятье вдвое сильнее. Поняла?

Ведома кивнула в темноте, не решаясь подать голос. Рагнора выпустила ее руку, и Ведома испуганно подумала: но как же она будет следовать за бабкой вслепую? Да она сейчас же собьется и уйдет куда-нибудь за Хрингов курган… Фигура старухи еле-еле угадывалась во тьме.

Но тут Рагнора заговорила, и Ведома сообразила, что путь ей будет указывать голос.

Скрылся в лесу
Ярла убийца,
Но голос Рагнвёр
Его там настигнет.
Слушайте, волки,
В чаще засевшие,
Тулу Рагнвёр –
Злодеев погибель.

Голос стал удаляться, потом замолк. Ведома очнулась, вспомнила, что ей же надо повторять, и сделала шаг.

Скрылся в лесу
Ярла убийца…

Не составило труда запомнить простые строки, но, чтобы произнести очередное слово, ей приходилось замирать на месте, а чтобы сделать еще шаг – прерывать тулу. Никогда раньше ей не приходило в голову, что так сложно делать разом два дела – идти и говорить, хотя обычным людям в обычных обстоятельствах это не составляет никакого труда. Поэтому она продвигалась вперед довольно медленно.

В лес коли вступишь –
Ворог навстречу.
Сядешь в ладью –
Дно прохудится.
Пищу возьмешь –
Станет как камень.
Воды отопьешь –
Она горше желчи.

Обходя могилу, Рагнора перечисляла несчастья, которые насылает на своего врага. Дабы избежать их, у него оставалось два пути: разгадать «имена трех мужей», то есть три «сильных слова», начертанных на дощечке, или явиться к Сверкеру с повинной головой. Первое в этом краю, где очень мало кто знал руны и почти никто не знал «сильных слов» из языка древних северных чародеев, было почти невозможно. А о втором лиходеи просто не догадаются и сгинут в чаще, пав жертвой злосчастных обстоятельств на земле, на воде или в собственном жилище.

Рваться одежда
Станет на теле.
Кости твои
Поломает от ветра.
Черви в твоей
Заведутся утробе.
Кровь твоя станет
Пивом гадюке…

Ведома все медленнее делала шаг за шагом и все неувереннее произносила слово за словом. Темнота сильнее давила на плечи; казалось, она слабела, будто принимала на себя эти несчастья.

Они прошли уже половину пути вокруг могилы и приблизились к другому ее краю. А потом… Раздался стук или скрип – такой резкий, что Ведома содрогнулась с головы до ног и не удержала крика. Часть покрытия могильного дома, плохо видная во тьме, откинулась, будто вздыбилась земля, и могильный житель темным комом прянул со дна ямы вверх!

Ведома завизжала, не помня себя. Ударила волна трупного запаха. Охнула Рагнора и шагнула вперед, протянув руки, будто хотела схватить мертвеца. А тот взмахнул рукой, и старуха упала!

Самообладание отказало Ведоме окончательно; развернувшись, она бросилась бежать во всю мочь, беспрестанно крича. Трава путалась в ногах, цепляла за подол; кажется, она несколько раз споткнулась, даже упала, но ничего этого не заметила. Не чувствуя боли в ушибленных коленях и содранных ладонях, она неслась через неровное поле и вопила, пока не охрипла.

Потом до ее слуха донеслись какие-то крики впереди. В черноте ночи металось пламя трех факелов, и вот она увидела озаренные красноватым светом лица Одо, Стейни и Берси – троих хирдманов, что провожали их сюда. Еще не зная, что там, на поле, произошло, они махали факелами и кричали, будто надеялись отогнать таким образом неведомую опасность. Когда из тьмы показалась княжья дочь, они бросились ей навстречу, обступили, засыпали вопросами, но она не понимала слов. Лишь вцепилась в рубаху на груди Берси и дрожала крупной дрожью, осознавая только то, что находится среди знакомых, живых людей.

– М-мертвец… Ра-рагнора… – стуча зубами и порываясь разрыдаться, кое-как выдавила она. – Вы-вы-выскочил… Наб…бросился…

– Мертвец напал на королеву Рагнвёр?

– Д-да… Из-под земли… прыгнул…

– О боги!

Берси приобнял Ведому за плечи, остальные с вытянутыми лицами взялись одной рукой за оружие, другой за обереги. Ведома вскинула голову.

– Н-надо туда пойти, – сказала девушка, и все трое сделали от нее шаг назад. – Она же… Рагнора! Мертвец!

Ведома хотела сказать, что необходимо попытаться спасти старую королеву, если на ту и впрямь напал могильный житель. И хирдманы ее понимали. Но они решительно не желали этого делать! Если бы им сказали, что на женщин князевой семьи напало вражеское войско, они бы бросились вперед, не раздумывая; но встречаться с мертвецом им совсем не хотелось.

– Я это… пойду людей позову, – наконец нашелся Одо. – Князю скажу. Пусть он… ему лучше…

Всем кажется, что люди королевского рода менее уязвимы для разной нежити – их защищает божественная кровь.

– Правильно! – ободрил Стейни. – Пусть наши все подходят. Тогда пойдем. А втроем нельзя. Он нам только шеи свернет и к себе утащит.

– Но бабушка! – со слезами на глазах воскликнула Ведома. Ей уже представилось, как мертвец тащит к себе под землю тело Рагноры со свернутой шеей. – Как же она?

– Если можно спасти, всей дружиной спасем! – Берси, пожилой хирдман, погладил ее по давней памяти по голове. – А если нет, то и зачем людям зря пропадать?

– Идите же быстрее!

Одо и Стейни пустились было к городу, потом остановились:

– Пойдемте и вы с нами. Конунг, пожалуй, рассердится, если мы тебя не приведем.

– Я буду ждать здесь! – Ведома даже ногой топнула. – А вы бегите бегом! Там же мать конунга! Он сам вам шеи свернет, если будете медлить!

Осознав эту опасность, хирдманы и правда побежали. Берси остался рядом с Ведомой, почти прыгающей на месте от нетерпения. Ужас схлынул, теперь ее терзала тревога и неизвестность. Да вдруг ей все это померещилось? Может, Рагнора всего лишь споткнулась и упала, а теперь не может сама подняться? Она же старуха, ей лет шестьдесят! Ведома даже сделала шагов пять вперед и попробовала позвать, но ее ослабевший голос растаял во тьме без отклика, а Берси уже тянул ее за рукав назад, к факелам.

Но если бы с Рагнорой было все хорошо, она уже пришла бы сама? Или она заканчивает ворожбу – ведь они успели обойти лишь половину могилы?

* * *

– Слушай, зашибли мы бабку.

– Точно?

– Да сам погляди. Не дышит.

– Ну… туда ей и дорога.

– Ты чего понял, что она тут завывала?

– Откуда я тебе по-варяжски понимаю? Да уж точно не здоровья нам желала. Договорила бы до конца – мы бы с тобой тут и окочурились.

– Дощечки у тебя?

– Здесь обе.

– Валим отсюда. Сейчас толпа набежит.

– А с ней чего?

– А давай… сюда давай.

– Сдурел?

– Сам дурак! Если поймут, что здесь были люди, начнут нас опять искать! А если это дохляк, то и какой с него спрос?

– Эй, вы, навек там решили остаться? Вылезать думаете?

– Да сейчас!

– Топор оставь.

– Не оставлю! Это теперь мой топор!

– Брось топор, дурень! Если он ее топором порешил, куда потом дел? Опять поймут, что здесь другой кто пошустрил.

– Так они тебе и полезут в могилу добро проверять! Еще скажи, все яйца пересчитают. Тогда и меч бросай!

– Меч… не брошу. Про меч не догадаются.

– Они как это увидят, ни про что не догадаются!

– Идут сюда люди! Целая дружина! Весь Свинеческ идет! Или вылезайте, или я пошел, а вы тухните тут с ним заодно!

– Руку давай, дятел!

– Хрен тебе! – бурчал Малец, поочередно вытаскивая из могильной ямы Лютояра и Равдана.

У каждого из ходоков на тот свет одна рука была занята добычей.

* * *

Когда встревоженный Сверкер во главе дружины и самых смелых из свинческой руси прибежал к могиле, она выглядела точно так же, как ее оставили сегодня под вечер. Все доски «кровли» были на месте, вокруг ничего особенного. И никого.

– Ищите ее вокруг! – едва не щелкая зубами, приказал Сверкер и сам повел факелом в темноте: – Матушка! Королева Рагнвёр! Где ты? Отзовись?

– Бабушка! – изо всех сил кричала Ведома.

Она дрожала от ночного холода и потрясения, но присутствие отца и десятков людей ее подбадривало.

Хирдманы и помощники рассыпались по полю: везде мелькали огни трех-четырех десятков факелов, словно мертвые на этом поле вдруг встали и собираются на тинг по особо важному вопросу. Все на разные лады выкрикивали имя старухи, водили факелами над землей, надеясь обнаружить или тело, или следы, или оброненную вещь, или хоть что-нибудь. Обшарили поле до самого Хрингова кургана, но ничего не отыскали.

– До утра не найти. – К Сверкеру подошел Альдин-Ингвар и покачал головой. – Здесь курганы, кучи земли, трава – в темноте не обшаришь.

– А что если… она там? – Сверкер показал подбородком на кровлю могильного дома.

Даже сквозь ночную прохладу пробивался тяжкий трупный запах.

– Уж так несет… – Берси покрутил носом, – похоже, что мертвеца тревожили. Днем не так сильно пахло, а ведь сейчас холоднее.

Все, кто слышал их разговор, содрогнулись. Мертвеца тревожили – это могло лишь означать, что мертвец шевелился.

– Мы же так хорошо его проводили! – горестно воскликнул Ольмар, из богатых торговцев Свинческа. – Если ему этого всего показалось мало… не помню такого привередливого покойника!

– Помолчи! – Брат, Гостина, дернул его за рукав. – А то и тебя утащит!

– Я ведь говорил, что нужно купить ему рабыню! – с досадой напомнил Альдин-Ингвар. – Такому знатному человеку, посланцу конунгов, нужна рабыня! Вот он и остался недоволен!

– Так что ты хочешь сказать – что он мою мать взял вместо рабыни? – в гневе закричал Сверкер, сорвавшись.

– Я не знаю! И вижу только один способ узнать наверняка! – Альдин-Ингвар выразительно показал большим пальцем в кровлю могилы.

– Да неужели воевода полезет туда? – почтительно усомнился Гостина, всем видом давая понять, что считает это решительно невозможным.

– Стоило бы подождать до утра, – намекнул Ольмар.

– Ночью сильнее становятся все мертвые воины! – произнесла нараспев мрачная Ведома.

Ей было отчаянно жаль бабку, которая ее воспитала, но она уже почти поверила, что живой Рагнору им больше не видать. А коли так, нет смысла жертвовать и молодым ладожским воеводой.

– Так что, – Альдин-Ингвар сверху вниз воззрился на Сверкера, – подождем до утра?

Сверкер вместо ответа сделал пару шагов к могиле.

– Ну, поднимайте, ну! – раздраженно заорал он, будто все должны были сами давно догадаться.

Двое хирдманов дрожащими руками взялись за края доски. Остальные столпились вокруг, от множества факелов стало светло, почти как днем. Человек десять обнажили мечи и держали их клинками к яме; все ждали, что мертвец вот-вот снова выпрыгнет на поверхность, и надеялись, что множество огней и острого железа его устрашит.

Доску оттащили, и кое-кто отшатнулся, отброшенный волной тяжелого запаха. Но ничего не случилось, из-под земли никто выбраться не пытался.

Сверкер и Альдин-Ингвар переглянулись. Пожалуй, вздумай князь приказать кому-то другому лезть в могилу, мог бы и не дождаться повиновения. Альдин-Ингвар, как более молодой, сильный и гибкий, придвинулся к яме. Взял факел, опустил его вниз, попытался что-то рассмотреть.

– Эй! – позвал он. – Есть кто… живой?

Яма промолчала.

– Снимайте еще доски, – велел Альдин-Ингвар. – Ничего не видно.

Хирдманы уже охотнее отбросили еще три-четыре доски, разобрав половину кровли.

Над ямой пролетел общий крик. Стал виден мертвец, сидящий посреди могильного дома. На коленях у него лежало еще одно тело. Оно было повернуто лицом вверх, и при свете трех десятков факелов все разглядели, что это старая королева Рагнора. Ее открытые глаза смотрели в небо и не дрогнули, когда в них отразилось пламя…

Ее последнее предсказание сбылось.

* * *

Ведьма-рагана с подоткнутым подолом стояла по колено в реке и скребла ножом по дощечке, счищая процарапанные и окрашенные чем-то темным варяжские резы. Стружки летели в воду и мгновенно исчезали.

– Зло в воду… зло в землю… зло в пламя… – бормотала Ведьма-рагана по-голядски. – Как счищаю я злые резы, так очищаю от сглаза и вреда сына моего, и меня, и всех добрых людей.

Отправлять проклятье назад, туда, откуда оно пришло, не было смысла. Наславшая его колдунья погибла. Погибла прямо во время ворожбы, загубила сама себя, будто ядовитая змея, укусившая собственный хвост. В этом, несомненно, был знак богов.

Вот заклинание счищено. Руны исчезли, растаяли прахом в струях Днепра. Вслед Еглута бросила и сами дощечки. Они уже были безвредны, но хотелось уничтожить малейший след колдовства. Подумав чуть-чуть, она швырнула следом и нож. Умылась, вымыла руки и побрела к берегу. Каждый вздох нес ей блаженство: старой варяжской колдуньи, трудами которой погублено семейство Велеборовичей, больше нет. Словно ушла с неба темная туча, висевшая там сорок лет! Об этом уже знали в округе, и вся волость ходила веселая. Силу Сверкера обеспечивали вовсе не только чары Рагноры, но людям казалось, что теперь, лишившись своей опоры, князь-чужак скоро падет.

Еглута вернулась в избушку. Жилище ее, в котором обитали по очереди уже четыре Ведьмы-раганы, было очень тесным, и сейчас по нему было трудно пройти: прямо на полу крепко спали три парня. Утомленные и вымотанные своим ночным приключением, они не просыпались, хотя рассвело давным-давно. Под рукой у Лютояра лежал варяжский меч, а у Равдана – топор с узорами на обухе. Показаться на люди с этими вещами ни в коем случае нельзя – свинческие русины сразу узнают, откуда это.

Хозяйство у Ведьма-раганы было не сложное: четыре курицы и две козы. Коз она уже выгнала спозаранку пастись на опушку, собрала яйца и стала печь в золе. Муки или хлеба в эту пору не было почти ни у кого, разве что у князя.

Но вот парни проснулись, лениво сходили умыться, уселись на бревне у порога: за столом в избушке вчетвером не поместиться. Лютояр все поглаживал потертые ножны меча. А меч был богатейший: тоже с непонятными резами на пестром клинке, с серебряной рукоятью, с навершием, похожим на треугольный шлем, отделанным ярко начищенной серебряной проволокой. Даже перекрестье и ножны из красной кожи были на устье и на конце одеты узорным

литым серебром. Это не клинок, это готовое оружие, которое так и просится в ладонь! И оно – его собственное, он почти в одиночку добыл его там, куда никто другой залезть бы не посмел. Подумать бы не посмел! Лютояр не сводил с меча глаз, будто ребенок с долгожданной игрушки. Равдан с Мальцом ухмылялись, переглядываясь и подмигивая друг другу на побратима.

Иногда Равдан косился на свой варяжский топор и вздыхал: ему-то со своей новой игрушкой придется расстаться. И прямо сегодня.

– Ну, что? – начал Лютояр, когда они доели яйца и затоптали скорлупу.

– Ну, я пошел, – с непринужденным видом отозвался Равдан и взял из-под лавки приготовленный заплечный мешок. Совсем легкий.

Ибо пришло и ему время возвращаться в человеческий мир. Он надеялся, что теперь, когда мысли князя заняты жуткой смертью родной матери, ему не до поиска лиходеев. Намереваясь при жизни принести вред, старуха принесла им большую пользу – своей смертью.

– Проваливай! – сердечно пожелал Лютояр. – Нет, постой. А ты вторую-то хоть малость разглядел?

– Колдунью вторую? Да и я первую-то не разглядел. Но та вроде не старуха была – голос девчачий, да и убежала вон как резво!

– Понятно, не старуха. Это ее внучка была, князева дочь.

– А эта не примется за бабкины дела?

– Бабка ее дурному учила, да бабки больше нет. А она – князя Ведомила внучка. Так что ей… ее беречь надо.

– А мне что? – Равдан зевнул. – Я ее и не увижу никогда. А тебе какое дело?

– Так, ничего. – Лютояр пожал плечами. – Ну, теперь совсем проваливай.

Равдан по очереди обнялся с обоими вилькаями, и, поклонившись Ведьме-рагане, пустился в путь. Идти было не очень далеко: можно за день добраться. Равдану не хотелось уходить из леса, где он всегда чувствовал себя привольно среди побратимов, но утешало любопытство: хотелось узнать, что там «у людей» говорят обо всех последних событиях? Да и мать соскучилась. Мысль о том, как она обрадуется, немного его утешала.

* * *

За самое короткое время смолянскому князю пришлось готовится уже ко вторым похоронам.

– Недолго я в цветном платье покрасовалась… – вздохнула Гостислава, доставая из укладки недавно убранную «горевую сряду».

Вновь увидев жену «в печали», Сверкер удивился так же, как в тот день, когда впервые за двенадцать лет увидел ее в цветном платье.

– Не думал я, что ты это сделаешь! – воскликнул он, окинув Гостиславу взглядом с головы до ног.

– Почему же не думал? – отчасти язвительно отозвалась она. – Как же еще мне поступить, если умерла старшая женщина моей семьи?

– Но не уверяй меня, будто скорбишь о ней! – горестно махнул рукой Сверкер. – Я знаю, ты рада ее смерти. Ты ведь думаешь, будто это она загубила двух твоих женихов и вынудила выйти за меня.

– А разве это не так? – выразительно удивилась Гостислава. – Она сама не скрывала, и все знали…

– Не скрывала! Все знали! – передразнил Сверкер. – Вы не знали, что это слухи о ее причастности распускала она сама! Разве кто-то мог доказать ее вину? Никто ведь не видел, чтобы она творила волшбу, у тех людей не находили рунических палочек. У вас было одно доказательство – ненависть и страх. И то и другое она сама внушила всем! Ведь мы с отцом

давали клятву не поднимать оружие против мирных жителей и не могли выступить первыми! И мать сделала так, что они сами подняли оружие на нас, да еще и по вздорному поводу. Дивно ли, что пьяный заблудился в метель и замерз? Но она была отважной женщиной и смело сама себя сделала целью их ненависти, чтобы дать мне возможность…

Гостислава помолчала, обдумывая эту вновь ей открывшуюся сторону дела.

– Ну, так что же… Значит, тем более я должна носить «печаль» по столь отважной и мудрой родственнице.

Но Сверкер лишь махнул рукой и пошел прочь. Без матери он остался одинок на свете.

Княгиня исполняла все положенные обряды, но делала скорбное лицо больше из сочувствия к старшей дочери, которая искренне горевала по бабке: ведь та ее вырастила и многому научила.

– Ты доброе-то крепко помни, – сказала ей мать, – а дурное выбрось из головы вон. С мертвецами круги водить – сама видишь, что вышло!

Ведома только всхлипывала. В округе радовались, а домашняя челядь горевала по старухе. Та была умна, мудра, отважна и решительна, к обеим внучкам всегда проявляла доброту, к челяди щедрость. Через нее родственные узы соединяли Ведому и Прияну ни много ни мало как с самим Одином. И вот Рагнвёр дочь Харальда, родившаяся на далеком Северном Пути, ляжет в землю кривичей – как и многие, многие из разноязыкого племени русь.

Неожиданно для себя в эти дни Ведома стала чуть ли не старшей в семье. Сверкер был так убит горем, что к нему не решались подступиться. Все уже знали, что в миг гибели Рагноры княжна была рядом с ней и они творили вместе нечто ужасное. Теперь на Ведому смотрели так, будто старуха передала ей всю свою многолетнюю мудрость и силу. А она старалась восстановить в памяти и получше закрепить каждое слово прощальной речи, которую произнесла Рагнора на краю поля мертвых. Старуха знала, куда идет, но не свернула со своего пути. Лишь попыталась напоследок передать внучке самое главное.

Альдин-Ингвар собрался уезжать.

– Я хотел бы остаться и проводить твою мать, – сказал он Сверкеру, – но мне нужно безотлагательно пускаться в путь, если я хочу поспеть к уходу второго летнего обоза.

Сверкер лишь махнул рукой: поезжай куда хочешь. Сейчас ему хотелось избавиться от всех гостей и вообще никого не видеть. Рагнора была ему не просто матерью, но и верным товарищем, главным соратником, и лишиться ее ему было куда тяжелее, чем любой из жен или даже всех их сразу.

Альдин-Ингвар бросил взгляд на Ведому: сейчас Сверкеру было не до того, чтобы гонять ее из гридницы. Она отвела расплаканные глаза. Ладожскому воеводе хватало вежества не заговаривать о свадьбе, когда совсем рядом лежит тело невестиной бабки. Но на уме у него было то, что своей смертью Рагнора выполнила собственное же условие. Ведь больше она уже ничему не научит Ведому, а значит, нет и причин откладывать замужество внучки. Кроме приличного срока печали, разумеется. Альдин-Ингвар надеялся, что к осени, когда он вернется, этот срок уже пройдет.

– Я бы пожелала тебе удачной дороги, но у меня сейчас не так много удачи, чтобы я мог ее раздавать. – Сверкер уныло махнул рукой. – Однако я бы посоветовал тебе поскорее… оставить эти несчастные места. Сам понимаешь… случиться может что угодно.

Никого, начиная от самого Сверкера, не удивило то, каким образом Рагнора нашла свой конец. Если всю жизнь призывать темные силы, рано или поздно они сами призовут тебя. Сверкер не мог вообразить, чтобы Биргир, никогда раньше здесь не бывавший и с Рагнорой не знавшийся, мог что-то против нее иметь. Его руками ее забрали из этого мира сами боги. Отец Колдовства послал за своей любимой дочерью. И теперь для нее будет выстроен такой же подземный дом и убран еще лучше: мехами, коврами, цветными одеждами. И Рагнора получит

свою рабыню, которая при жизни ей прислуживала. Сверкер все же не хотел, чтобы его мать, недовольная проводами, встала из могилы и пришла забрать недостающее.

И Альдин-Ингвар незамедлительно последовал этому совету. Он даже не застал слухов, которые немедленно расползлись по округе. А говорили, будто мертвая старуха каждую ночь колотится изнутри погреба, в котором держали тело. Иные даже уверяли, будто видели ее в темные ночи бродящей по двору, по пристани, по берегу Днепра. Гостислава усмехалась тайком, Ведома негодовала и даже пригрозила, что того отправит с бабкой в могилу, от кого услышит подобные бредни.

Опасаясь, что отец был недостаточно учтив со знатным гостем, Гостислава и Ведома пришли на пристань проводить его.

– Желаю тебе здоровья и удачи! – сказал девушке на прощание Альдин-Ингвар. – Надеюсь, когда я буду здесь в следующий раз, наша встреча получится более радостной.

Ведома лишь поклонилась в благодарность. Зная о его намерениях, она почему-то не могла увидеть в Ингваре ладожском своего будущего мужа. Не так чтобы он ей не нравился – красавец хоть куда, отважен, учтив, богат, тоже ведет род от северных богов и владеет не менее завидным виком, чем ее отец. Но мысли ее от всего этого – загадочных встреч с Ведьмой-раганой, смерти бабки – находились в таком беспорядке, что сперва нужно было привести жизнь в мирное русло. К любовным помыслам ее сердце не лежало.

«Избегай выбора, сколько сможешь», – сказала ей Рагнора на прощание. Она имела в виду, что если человек подчиняется чужим решениям, то может не корить себя за последствия. Значит, Ведома может ни о чем не думать и ждать, что решит для нее отец. Как и полагается послушной дочери. Как поступила в свое время мать…

С младенчества Ведома привыкла жить по воле старших родичей – и главным образом Рагноры, которая правила в доме всем, в том числе и сыном. Но теперь, когда бабка навек закрыла глаза, Ведома вдруг со всей ясностью ощутила, что у нее может быть совершенно иная цель, нежели у бабки и даже у отца. «В твои годы многие уже замужем и должны сами решать, что им делать. То же скоро будет и с тобой…»

Сама мысль о том, чтобы решать самой, и пугала, и воодушевляла. Но понимание должно было созреть, и Ведома предпочитала не торопить события.

Часть вторая

Киев, 10-е лето Ингварово

Альдин-Ингвар давно уже привык сам принимать решения, но приключения в земле смолян лишь укрепили его в желании посоветоваться с родичем, Ингваром киевским. Он был в полном праве сам распоряжаться своей судьбой, но ради благополучия Пути Серебра имело смысл заключать союзы лишь с одобрения всех его владык. Ведь гораздо умнее уладить все возможные разногласия заранее, чем потом разгребать последствия ошибочных решений.

Путь вниз по Днепру до Киева не представлял больших сложностей: порогов на нем не было, ладьи несло течением, а при попутном ветре ставили и парус. За пару последних поколений, когда поток торговых гостей увеличился, он был хорошо изучен и освоен: через каждый дневной переход находились селения и гостиные дворы, где можно было за полногаты получить ночлег и пищу для дружины из тридцати человек. С запада к Днепру здесь прилегали земли племени березничей, с востока – радимичей. После Любеча на западе началась земля Деревская, а с другой стороны – Северянская. Альдин-Ингвара здесь все знали, а ныне он мог поведать столь занятные новости, что его по несколько дней не хотели отпускать. Он только тем и отговаривался, что должен спешить к отходу второго обоза. Это все понимали и уважительно кивали: «А, ну как же, само собой. Что везете?» Здесь была уже собственно «Русская земля», подчиненная Олегом Вещим. И сейчас все эти просторы, населенные полянами, древлянами, саварами, северянами, остатками и потомками хазар, а также частично моравами и варягами, принадлежали дяде Альдин-Ингвара.

В Киеве молодому ладожскому боярину не приходилось просить гостеприимства: у него здесь был собственный двор. Когда лет пять назад умер Лидульв – из последних старых хирдманов Олега Вещего, – оказалось, что у него нет законных наследников. Все знали, что в дружине Лидульва человек десять – его кровные отпрыски от челядинок, но он так и не признал никого из них своим законным сыном. Поэтому все оставшееся после него добро, включая двор и отроков, получил князь и почти сразу подарил племяннику в благодарность за поддержку во втором походе к Греческому морю. В бывшей усадьбе Лидульва Альдин-Ингвар останавливался со своими людьми и товарами по пути из Ладоги в Царьград и обратно. Ее теперь в Киеве звали «Ладожский двор».

Своего дядю, Ингвара киевского, Альдин-Ингвар встретил прямо сразу, едва успев сойти с лодьи на причал у Почайны. Когда на глади Днепра показался приближающийся обоз, тот вышел из скопления клетей, где был занят просмотром привезенного на днях собственного имущества – дани со своих северных владений, предназначенной на продажу в Греческое царство. Племянник еще издалека увидел знакомую фигуру: среднего роста, с широкими плечами. Киевскому князю сейчас было тридцать лет или чуть больше: за время их знакомства на простоватом, но привлекательном лице Ингвара сына Олава прибавилось морщин и шрамов, а зубов стало еще на два меньше. Русые волосы он стриг совсем коротко – под шлем, в левом ухе носил хазарскую серебряную серьгу в виде длинной капли, а на шее – варяжский «молот Тора» на узорной цепи. Точно такой же был и у самого Альдин-Ингвара.

Соскочив с лодьи, племянник подошел к дяде и почтительно поклонился. Потом они обнялись. Альдин-Ингвар был выше Ингвара более чем на голову и на первый взгляд – белокурый, красивый, нарядно одетый – казался гораздо более похож на князя. Но только на первый взгляд. За прошедшие годы Ингвар киевский избавился от отроческих замашек, и теперь это был уверенный в себе, своей силе и своей дружине вождь. Каждый взгляд его, каждое дви-

жение дышали убежденностью в своем праве повелевать, и этому не мешал ни средний рост, ни простая одежда. Охотником до греческих шелков он так и не стал, пусть и ходил ради них в несколько дальних походов. Только ради больших пиров княгине удавалось надеть на него хороший кафтан.

– Ну, я уж тебя заждался! – приговаривал Ингвар, похлопывая рослого племянника по плечу и спине. – Думал, без тебя пойдут. Ну, ты как – женился? От молодой жены оторваться не мог? Так сидел бы дома этот год, Ивор бы за нас обоих все продал.

Все знали, что Альдин-Ингвар обручен с внучкой Олава свейского и что около этого времени она должна к нему приехать.

Альдин-Ингвар подавил вздох. Не хотелось начинать долгий рассказ о своих обстоятельствах прямо на причале, среди скрипа лодей и сходен, криков грузчиков, шума ветра, суеты с мешками и бочками.

– Не женился пока, – улыбнулся он. – Видать, еще годок-другой холостой похожу.

Ингвар посмотрел ему в лицо.

– Пойдем. – Он кивнул в сторону длинного ряда клетей. – Или домой сразу?

– Я не спешу.

Альдин-Ингвар махнул рукой своему управителю, чтобы принимался сам сгружать привезенное, и пошел следом за дядей.

Киевскому князю из Хольмгарда, его наследственного владения, привезли то же, что доставил из Ладоги его племянник: собранные в качестве дани и выменянные у чуди меха, бочки меда, головы воска. Челяди в этот раз никто не привез: обоим было не до походов. Одну треть собранного Тородд, младший брат Ингвара, оставлял себе на содержание дома и дружины в Хольмгарде, две трети отправлял истинному хозяину, и вырученные за них деньги шли на содержание ближней дружины и киевского двора. Это была основная и наиболее важная часть дохода самого Ингвара: дань с земли Деревской получал Свенельд, а поступления с прочих «русских» земель приходилось, обменяв на греческие товары, делить с полянской и русской знатью. А также содержать на них большую дружину – восемь сотен человек. Половина ее жила в Вышгороде, вторая – в Витичеве.

Ингвар уже второй день осматривал свою долю: пересчитывал, проверял качество выделки шкурок, чистоту меда. При нем суетились старый Стемид – окончательно перешедших из гридей в управители – и Асгрим Росомаха, человек Тородда, привезший дань. Стемид был последним оставшимся в живых участником еще Олеговых походов на Царьград; к походам он по старости был давно уже не годен, но, как человек опытный и толковый, а к тому же знающий письмо и счет, следил за дружинными средствами.

– Присаживайся. – Ингвар указал племяннику на бочонок, такой же, какой служил сидением ему самому.

Вокруг них висели целые гроздья куньих шкурок, сорочкАми и полусорочкАми нанизанных на кольца из ивовых прутьев. Перед тем как сесть, Альдин-Ингвар безотчетно взял одну шкурку, помял в пальцах, понюхал: в ивовой коре дубили… Ничего так, в Серкланде ногату дадут. Можно было бы восхититься количеством будущих ногат, заполнявших одну только эту клеть, но Альдин-Ингвар, сам содержавший дружину, знал, как быстро это все разлетится.

– У тебя тоже бобра мало в этот раз? – спросил Ингвар, приняв от холопа корчагу с квасом.

– Мало, – кивнул Альдин-Ингвар. – Чудь говорит, ушел бобер, повыбили. Куницы да лисицы…

– Да красные девицы… Правда, что ли, по девице начать брать? Ну, а твоя что же? – Ингвар отвлекся от своих забот и вспомнил о делах племянника. – Старый хрен все жмется, не присылает девку? Мы тебя и не ждали в этот год. Княгиня говорит: точно дома засядет, как женится.

– Моя невеста умерла, – ровным голосом ответил Альдин-Ингвар, знавший, что дядя любит, когда изъясняются просто и ясно. – Этой зимой. Ее сестры – маленькие девочки. Они могли бы подойти твоему сыну, он еще может ждать десять лет, а вот я уже…

– Да мы сынку уже подобрали! – хмыкнул Ингвар, будто вспомнив что-то смешное. – Не он будет ждать, а его будут ждать! Да, вот не свезло тебе! Ты-то сколько ее дожидался – лет восемь? Уж мог бы пять лет как на ком-нибудь другом жениться!

– Вместе с этим горестным известием мне передали один совет. Я был бы не прочь ему последовать, и это дело мне нужно обсудить с тобой. Но, может, тебе сейчас не ко времени говорить о моих делах?

– Давай, выкладывай! – кивнул Ингвар, держа на коленях корчагу.

Он тоже понимал, что любой брак в его семье – дело общей державной важности.

Альдин-Ингвар принялся рассказывать обо всем, что случилось со дня получения печальной вести. Рассказчиком он был толковым и справился довольно быстро.

– Йотуна мать! – На Ингвара его повесть произвела впечатление. – Про мертвеца-то… потом непременно нашим девкам расскажи, им понравится… Вот ведь змей ползучий этот Сверкер, жарь его через мутный глаз! – В досаде он чуть не грохнул корчагу об пол, но холоп вовремя ее подхватил и отставил в сторону. – И он, и смоляне его у меня давно уже вот где! – Князь рубанул ребром ладони по горлу. – Почему я, чтобы свое же добро, – он взмахом обвел висящие кругом шкурки, – из одного своего дома в другой свой дом перевезти, должен еще мыто платить? Каждый десятый хвост!

– Потому что Сверкер живет как раз посередине твоих владений, – сдержанно ухмыльнулся Альдин-Ингвар. – И он платит мыто тебе, когда везет продавать свою дань на юг. А если на север – то платит и тебе, и мне. И еще ты берешь с него за прохождение порогов на Днепре.

– А он с меня – за волоки на Ловать! Хорошо хоть, с Ловати на Ильмень всего половину платим…

И на лице Ингвара явственно отразилась уже не раз приходившая мысль: как бы устроить, чтобы хоть в Зорин-городке не платить совсем? Нужен новый договор с «пасынком» Зоремиром Дивиславичем, отца которого он, Ингвар, разбил в сражении уже почти двенадцать лет назад.

– Зоряну ж столько не надо! – горячо продолжал Ингвар, уже забывший о делах племянника и говоривший о том, что более всего занимало его самого. – Дружина у него своя – так, на лов съездить да чтоб девки не заскучали. Воевать ему не с кем: с севера его Хольмгард прикрывает, с запада – Плесков, а полезет кто – я его обещал оборонить. И на что ему мои деньги? Правильно Свенельдич говорит: дай ему денег, так он еще того гляди… А тут смотри: вот, каждый год два обоза в Царьград!

Ингвар даже встал на ноги, чтобы вольнее было говорить.

– За пороги проводи, потом встреть. Со своими вошеедами у нас ряды заключены, даже девки кое у кого взяты, эти не забалуют. Но их же в степи – что блох на собаке! Не угадаешь, откуда принесет! Керенбей мамой Умай клялся пороги прикрыть – а глядь, нет уже Керенбея, разбит и в булгары продан со всем родом и ордой! Там теперь Баймат-хан заправляет, а с ним у меня договора нету! Вот, прошлый год… А! – Князь в досаде махнул рукой. – Короче, большую дружину, как хочешь, а снаряжай, хоть с жены снизки снимай! Одежду, черевьи, оружие, летом – лодьи, паруса, весла, зимой – сани, упряжь, шатры, котлы, прокорм! Ближняя дружина: все то же самое, только еще слышу каждый день со всех сторон: «Княже, в дружинной избе крыша совсем прохудилась, в кашу дождь капает! Княже, твои люди у меня ягненка увели! Вчера какие-то трое орлов лавку на торгу разгромили и жидина побили. Княже, а почему у Свенельдовых портки красивше?» Тьфу!

Альдин-Ингвар только улыбнулся. А ведь он не раз принимался высчитывать долгими зимними вечерами: потеряет он или приобретет, если Сверкер не будет взимать с него плату

за проход через Смолянскую землю, но и сам не будет платить за провоз своих товаров через Ладогу? А теперь добавился новый вопрос: выгодно ли будет, заключив родственный союз, взаимно снять или хотя бы уполовинить мыто? Ясно было, что в этом вопросе киевский дядя его поддержит.

* * *

Гридница на Олеговой горе была построена еще Вещим. Человек двести могло усесться в ней за длинными дубовыми столами. Ее бревенчатые стены и резные столбы помнили немало важных событий, и для больших пиров на стены до сих пор вешали расшитые золотом и цветным шелком алтарные покровы, привезенные из похода на Греческое царство. В обычные дни они хранились в больших ларях, и только сама княгиня время от времени отпирала замки и приказывала проветрить паволоки, переложенные полынью и лавандой из Таврии.

В последние девять лет во главе стола здесь сидел князь Ингвар с женой, княгиней Эльгой. Там его и увидел Альдин-Ингвар, приглашенный на пир – по случаю своего приезда, и заодно проводов второго царьградского обоза. Народ постоянно менялся: кто-то выходил на двор подышать, кто-то садился на освободившееся место. Тут была ближняя княжья дружина и кое-кто из бояр. Сидели торговые люди, в основном из северных земель, чьи лодьи с товаром входили в состав княжеского обоза. Лодьи южных земель ушли около месяца назад, сопровождаемые вышгородской половиной большой дружины. Большая дружина, в отличие от ближней, в Киеве почти не бывала: зимой она ходила в полюдье, а летом провожала и встречала обозы.

Сейчас Ингвар куда больше походил на князя, чем недавно на причале: на нем был хазарский кафтан с длинными узкими рукавами, золотистого шелка, густо затканного сложным узором красноватых тонов – в виде кругов, в которые были вписаны деревья с сидящими на них птицами и еще чем-то, издалека не разобрать. На узком поясе с золочеными бляшками висела степняцкая же сумка с золоченой узорной накладкой на всю крышку.

Рядом с ним сидела жена, княгиня Эльга – удивительной красоты женщина, в желтом греческом платье с золотистой и красной отделкой. Альдин-Ингвар уже заходил поклониться ей, но сейчас она вышла встретить его, как родича, к порогу гридницы и поднесла отделанный серебром турий рог с медом. Потом проводила на почетное место. Если ее муж напоминал грозного Перуна, то Эльга сияла рядом с ним, будто ясная зоря – всегда веселая, приветливая, для любого достойного гостя находящая доброе слово.

На пиру Альдин-Ингвар пришлось снова рассказать о своих приключениях – чтобы знала дружина. Услышав о разбое и пропаже десятка рейнских мечей, бояре и гриди разом зашумели: боль такой потери каждый ощутил, как свою.

– Да этот Сверкер тот еще упырь! – кричал боярин Острогляд, дальний родич княгини. – Он сам этих лиходеев у себя на волоках прикармливает! Как идет обоз с хорошим товаром, что унести легко, а продать дорого – непременно разграбят! Он сам знак подает, а ему доля идет!

– Это прежнего князя был обычай, Ведомила! – возражал ему Честонег. – Те лиходеи из его же отроков были, парни молодые, что зимой в лесу живут. А Сверкер с ними дружбы не водит, на него все смоляне до сих пор за Ведомилов род обижены.

– Эх, нам бы эти мечи! – завистливо вздыхал Ярогость, гридь из ближней дружины. – У нас у каждого десятого разве такой меч, а там целый десяток – каким-то оборотням!

– Им-то куда – с лешим, что ли, воевать в болоте? – смеялись гриди.

– А есть такое предание, что если меч три года в болоте полежит, то великую силу обретет…

– Да что там – предания! – крикнул с того же стола Годима. – У Свенельда в дружине таких мечей-то поболее нашего будет.

Шум поднялся сильнее, в нем яснее зазвучало недовольство.

– А ну хватит! – рявкнул Ингвар и хватил кулаком по столу. Видно было, что он слышит это не в первый раз, и эти речи порядком ему надоели. – Годимка! Опять за свое! Еще раз услышу – пойдешь у меня на валы вошеедов сторожить! А всем еще раз объясню, – он обвел угрюмым взглядом поутихшую дружину за столами. – Мой кормилец Свенельд землю Деревскую взял мечом и дань с нее имеет по самую свою смерть. Так было уговорено между ним и князем киевским.

– Да где теперь тот князь? – С места встал Дивосил, Видиборов сын, из числа киевской старейшины. – Тот ряд со Свенельдом заключал Олег-младший. Когда в Киеве князь сменился, его пересмотреть надлежало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.